

МАРАТ ГИЗАТУЛИН

Булат

ОКУДЖАВА

Вся жизнь -

в одной строке

Век великих

Марат Гизатулин

**Булат Окуджава. Вся
жизнь – в одной строке**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1.09 Окуджава Б.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Окуджава Б.

Гизатулин М.

Булат Окуджава. Вся жизнь – в одной строке / М. Гизатулин —
«Издательство АСТ», 2019 — (Век великих)

ISBN 978-5-17-114270-4

Книга посвящена калужскому периоду жизни Булата Окуджавы, когда он, молодой учитель, только делал первые шаги к всенародной известности. Именно тогда были заложены основные принципы его творчества, верность которым он сохранил на всю жизнь. Автор книги Марат Гизатулин выступает здесь в ипостасях исследователя и журналиста, обращаясь как к документам, так и к живым людям, лично знавшим Окуджаву.

УДК 821.161.1.09 Окуджава Б.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Окуджава Б.

ISBN 978-5-17-114270-4

© Гизатулин М., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Об этой книге и её авторе	6
По Смоленской дороге	10
Глава 1. Шамордино (1950–1951)	10
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Марат Гизатулин
Булат Окуджава. Вся
жизнь – в одной строке

Памяти моего отца посвящаю эту книгу

Об этой книге и её авторе

С автором этой книги у меня с первого дня знакомства сложились самые дружеские отношения.

Да и как мне было не подружиться с ним, когда я прочитал не помню уже какой по счёту выпуск альманаха «Голос надежды», восхитился профессионализмом его составителей, сам отдал в этот альманах статью о Булате Окуджаве (её напечатали) и прочитал в нём, что его издателем является не известный мне дотоль Марат Рустамович Гизатулин.

Уже познакомившись с ним, я узнал, что он владелец издательства «Булат», что на его деньги выпущены книги об этом поэте, как правило, насыщенные конкретным материалом, и что он вместе с Львом Шиловым основал народный музей Окуджавы и был его первым директором.

Причём и это делал бескорыстно, не получая за работу денег, а наоборот, тратя свои.

Увы, он не был миллионером, и деньги кончились после выхода девятого выпуска альманаха. На десятый выпуск уже собирали с миру по нитке, и он стал последним. Но все десять выпусков вошли в золотой фонд окуджавоведения, став бесценным материалом для исследователей жизни и творчества поэта.

И книги, которые он издал (в том числе и свои), как правило, оказывались очень неплохими, теперь они уже недоступны читателям. И я на месте нынешних издателей обратил бы на них внимание, переиздав и эти малотиражные книги, и все выпуски бесценного альманаха. Думаю, что в накладе они не остались бы.

Марат подарил мне собственные книги, не только исследовательские – об Окуджаве («Его университеты», «Булат Окуджава: "...из самого начала"»), но и художественные: «Жизнь – впереди», «Ничего страшнее тыквы», «Однажды бывший советский пролетарий», «Неблагодарный труд писателя». Последняя его книга «Всё, что исхожено» вышла в издательстве «Ридеро», в ней собраны весёлые, как бы наивные, а на самом деле невероятно психологичные рассказы Гизатулина, чью манеру уже не спутаешь с чьей-нибудь другой.

Вот и в книге, которую вы открыли, Марат выступает во всех своих ипостасях: скрупулёзный и добросовестный исследователь, незаурядный журналист, умеющий в интервью разговорить человека, нащупать и показать индивидуальность собеседника. Даже не просто незаурядный, но журналист высшего класса, так использующий нередактированные записи своего диктофона, что они становятся страницами естественной неприкрашенной жизни. Впрочем, последнее – это ещё и свойство художественного дара, которым щедро наделён писатель Гизатулин.

Не говорю уже о том, что о многом из жизни его героя вы узнаете впервые. Так было и в прежних его книгах об Окуджаве, где нередко собраны факты, обнаруженные именно Гизатулиным, до него неизвестные.

Мне кажется, что в этом смысл эпиграфа, в который вынесено стихотворение Булата 1961 года. «Публикуется впервые» – это и предупреждение о том, что уготовано читателю в новой книге, и указание на суть знакомого художественного метода автора, которому уже приходилось опираться на не опубликованные прежде материалы, открывать их читающей публике.

Да уж, что говорить, тексты Булата Окуджавы, которые публикуются впервые, в этой книге представлены исключительно щедро. Но мне думается, что не всегда оправдана их публикация.

Вспоминаю, как пел Булат в своём кругу, как просили его иногда: «Спой такую-то...» – и как он нередко отвечал: «Ну что ты, это очень слабая песня!»

Поэтому, читая здесь иной газетный текст, написанный газетчиком Булатом, или иное его стихотворение, напечатанное много лет назад в калужской газете, думаю: «А согласился бы Булат на такое перепечатывание? Разрешил бы перепечатать?»

Правда, словно предчувствуя возможные вопросы, автор, посылая мне свою рукопись, предупредил: «Книга состоит из двух частей – повестушки “По Смоленской дороге” и очерка про Тарусу. Они объединены под одной обложкой не только географическими обстоятельствами, но и схожим списком действующих лиц. И может показаться, что это одно, но нет, это разные произведения».

Надеюсь, что читатели это поймут, хотя и «повестушка» здесь тоже документальная и, стало быть, как и очерк, основана на документе.

Вижу, что Марат Гизатулин поставил перед собой сложную и неблагодарную задачу, особенно публикуя очерки, написанные Булатом по редакционному заданию, или так называемые «датские» стихи (то есть к определённой дате). Такие вещи даже в полных собраниях сочинений писателя печатаются в служебных, а не в основных разделах (справедливости ради замечу, что и Гизатулин поместил их в приложениях, но это не совсем то, что приложения в томе собрания сочинений!).

С другой стороны, приведу цитату из письма друга Гизатулина, литературного критика Леонида Соколова, прочитавшего эту книгу в рукописи:

«... “плохие”, “датские”, заказные стихи, а также прочая белиберда про коровники и кукурузу в твоей книге намного важнее, чем “хорошие” стихи и описание чего-то грандиозного и великого. Потому что 50-е годы – это уже Куликовская битва и Ледовое побоище, которые никак не понять, пока не попробуешь – и для этого понимания, чем хуже, тем лучше. Вот это вытравливание “незначительного” всяких пустяков и портит любые книги “о времени и о себе” – разумеется, как в книгах именно такого сверхпристального взглядывания в эпоху, когда день за днём проходило вызревание незаурядного автора. Ты как раз и копаешься в “плохих” песнях, которые и сам Окуджава рад бы забыть, потому что ты в состоянии убедительно объяснить, что стоит за этими неудачами. Ведь что-то об авторе и времени в этом тексте наверняка сказалось! Ведь ты же не упиваешься тем, что, мол, посмотрите, какой тут автор неуклюжий, а показываешь подноготную текста».

Пожалуй, с таким пониманием явления я соглашусь.

Соглашусь и замечу, что анализ текста занимал Гизатулина в последнюю очередь. Многие газетные статьи и стихи опубликованы автором в приложениях без какого-либо разбора, даны как свершившийся факт. Для автора, исследователя, гораздо менее важны профессиональные и поэтические качества газетных статей и опубликованных в газете стихов, чем сам факт их нахождения, обнаружения, установления их места в творческой биографии Булата Окуджавы.

Но если это всё-таки недостатки, то они у Гизатулина – продолжение достоинств, которых в книге намного больше.

Таков уж Гизатулин-рассказчик, что всё, что попадает в его поле зрения, оживает со своими хорошими и плохими, достойными уважения и смешными чертами. Чего-чего, а скучать читателю не придётся. А главное, чем отличается эта книга Марата Рустамовича от книг других авторов, писавших о юном и молодом Окуджаве, его творчестве, – она отличается полнотой изображаемого полотна, в котором нашлось место всем, кто так или иначе соприкасался с Булатом, – от его родного брата Виктора, его литературных приятелей до его учеников школ в Шамордине, Высокиничах, в Калуге. Каждый не просто мелькает в повествовании, но дан в развитии, показано, как распорядилась им судьба. А такие вещи и заставляют верить автору, который сделал в своей книге полемическое, на первый взгляд, заявление:

«Лирический герой художественного произведения, даже автобиографического, вовсе не обязан во всём совпадать со своим творцом. Однако, по собственным неоднократным заявлениям Булата Шалвовича, он всю жизнь писал *о себе*, и именно поэтому все отклонения от

действительности в его прозе представляют большой интерес для исследователей, поскольку почти всегда имеют какую-то вескую причину».

Булат засвидетельствовал однажды, что не только в прозе, но и в поэзии он пишет о себе. Помните:

*У поэта соперника нету
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
Это он не о вас – о себе.*

Так что, с этой точки зрения, Гизатулин прав. Но запечатлевать «отклонения от действительности», выяснять, почему творец от неё отклонился, можно только вживаясь в его образ. А таким умением Гизатулин владеет отменно. Он совсем не красного словца ради написал почти в самом конце этой книги, заканчивая воистину захватывающий рассказ об альманахе «Тарусские страницы»: «Может быть, я как калужанин – а я за последние двадцать лет так Калугой заболел, что и сам себя теперь калужанином ощущаю...» Восстанавливая «отклонения», показывая, как было на самом деле, выясняя, почему «отклонялся» от действительности в том или ином эпизоде повествования писатель, Гизатулин ни с кем не полемизирует. Он сформулировал свой метод художественного письма, своё умение заинтересовать читателя тем, по поводу чего и сам испытал «большой интерес».

Что ж, в этом смысле Гизатулин остался верен себе. Мне обидно, что этот незаурядный писатель почти не замечен современной критикой. А ведь умением держать читателя в напряжении на протяжении большого повествования Марат Гизатулин превосходит многих обласканных нынешними критиками писателей, многих лауреатов престижных писательских премий. Мне кажется, происходит это потому, что Марат Рустамович обходит стороной литературные журналы, на которые в основном ориентируются литературные критики, издатели и члены жюри различных литературных премий.

Зря обходит стороной? Может, и зря. Хотя это не говорит о равнодушии писателя к признанию читателей и критики. На мой взгляд, Гизатулин давно завоевал своё место под литературным солнцем. И книга, которую сейчас держит в руках читатель, – верное тому доказательство.

*Геннадий Красухин,
доктор филологических наук, профессор*

*Как карусель, весь шар земной,
как синий снежный ком.
Пируют боги надо мной —
Я с ними не знаком.*

*Я словно бабочка. Точь-в-точь.
А где-то в вышине
пируют боги день и ночь,
всё знают обо мне.*

*И однотожник Бытия
листают пред собой...
Хожу по тем страничкам я.
Весёлый и слепой.*

*Меня невзгоды крепко бьют,
меня тревоги гнут,
а боги видят, боги пьют
и глазом не моргнут.*

*Меня в окопы годы мчат,
а я не вижу: слеп.
А боги видят, но молчат
и только машут вслед.*

*Им всё известно до конца:
вся жизнь – в одной строке.
И птичка моего свинца
дрожит у них в руке.*

*Им распознать немудрено,
где лучший день из дней,
и сколько лет мне быть должно
в день гибели моей.*

*И сколько мне пером скрипеть,
и сколько вёрст ползти,
и как я должен прохрипеть
последнее прости.*

*Ах, мне бы книгу Бытия —
я знал бы жребий свой!..
Но им такой вот нужен я —
весёлый и слепой.*

*Булат Окуджава, 9 мая 1961 г.
(публикуется впервые)¹*

¹ В 1998 году во время пребывания в Петербурге я побывал в гостях у Ирины Васильевны Живописцевой, сестры первой жены Булата Окуджавы. Она щедро поделилась со мной своим архивом. Там и был обнаружен автограф этого стихотворения.

По Смоленской дороге

Глава 1. Шамордино (1950–1951)

*Как ты там поживаешь над рекой Серёной,
карасями заселённой,
облаками засорённой?
Как ты там поживаешь в своём скворешнике,
примостившемся на берегу,
где полки молодого орешника
на бегу
изогнулись в дугу...*

Весной 1950 года Булат Окуджава заканчивал учёбу в Тбилисском государственном университете. Вместе с ним училась и его жена Галя Смольянинова. Подходило время распределения, и к этому моменту молодые твёрдо знали, что они хотят работать только в России. Тому были особые причины.

1.

Вот что Булат Шалвович рассказывал в 1992 году о том, как попал в калужскую глубинку: *Пришло в университет требование на определённое количество преподавателей в российских школах. А я сам просил распределить меня в Россию, потому что родился в Москве, родной язык – русский, оставаться в Грузии мне не хотелось, а хотелось быть поближе к Москве, которой я был лишён...*²

Конечно, в детстве его часто привозили в Тбилиси к родственникам, в основном летом, и там он слышал грузинскую речь от родных и просто на улице, и даже как-то научился говорить, но именно как-то, а этого недостаточно грузину, чтобы чувствовать себя уютно в Грузии. Тем более что карьерные устремления его лежали всё-таки в области профессиональной литературы, а писать он мог только на русском. У него даже был опыт публикаций в русскоязычной газете в Тбилиси, но уже давно, в начале учёбы в университете, да и несерьёзно – всего лишь в газете Закавказского военного округа.

К тому же в Москве жили некоторые тбилисские друзья, молодые литераторы, уехавшие сразу после войны учиться в Литературный институт и в ГИТИС и теперь уже делающие первые творческие шаги в столице.

Сам Булат после того, как были арестованы родители и отняты комнаты в арбатской коммуналке, о столице не мог и мечтать, но в России оставалась возможность работать в какой-нибудь области поближе, чтобы хоть иногда бывать в Москве – городе его детских воспоминаний. Там был его родной Арбат, там жили немногочисленные уцелевшие после войны друзья. Там, у Павелецкого вокзала на улице Вальной, жила родная тётя Маня, сестра отца.

Но кроме этих соображений существовало ещё одно.

В 1948 году, в самом конце третьего курса, случилось несчастье. Несколько знакомых Булата арестовали по обвинению в участии в подпольной антисоветской организации. Двое из

² Окуджава Б. Куда поступал Онегин / Интервью брала И. Ришина // Первое сентября. 1992. 17 окт. С. 3.

них, Александр Цыбулевский и Лев Софианиди, ближайшие его друзья, учились с ним вместе и тоже писали стихи. Они и Алексей Силин, ещё один начинающий поэт, учившийся в их группе, часто собирались у Булата дома, читали стихи – свои и чужие, обсуждали их, разбирали, спорили...

И вот двое из этих троих оказались членами антисоветской организации! Теперь, когда каждому школьнику известно, как мог человек пострадать в те времена просто за безобидный анекдот, неудачно рассказанный в кругу даже близких людей, или за пшеничный колосок, подобранный на дороге вдоль колхозного поля, это может показаться удивительным, но организация такая действительно существовала. И название её не оставляло сомнений в серьёзности намерений: «Смерть Берия!»

Правда, организация с таким благозвучным названием прекратила своё существование ещё в 1946 году, и ни Александр Цыбулевский, ни Лев Софианиди никогда не были её участниками. Но одна из активнейших членов этой тайной организации Коммуелла (Элла) Маркман дружила с ними. Она посвятила Лёву Софианиди в эту тайну много позже, даже после того, как у одного из бывших членов уже не существующей организации не выдержали нервы и он пошёл куда следует и донёс.

За всеми фигурантами установили слежку, и через контакты Эллы Маркман «засветились» Софианиди и Цыбулевский. Грянул гром. Все причастные к заговорщикам были арестованы. Им крупно повезло: именно тогда, в 1948 году, в СССР ненадолго отменили смертную казнь. Не случись этого, уж с Эллой-то Маркман нам точно не пришлось бы разговаривать шестьдесят лет спустя. Тогда она получила по максимуму – двадцать пять лет каторжных работ. Что касается Лёвы Софианиди с Шурой Цыбулевским, то они получили по своей «десятке» ли, «пятёрке» ли (во всяком случае, отсидеть успели по пять лет) за недоносительство, причём последний вообще ни за что: Цыбулевский о тайной организации ничего не знал. Элла Моисеевна рассказывала, что посвятить в этот секрет Шуру ей не пришло в голову по простой причине: он был очень далёк от всего, не касающегося поэзии, и просто не услышал бы её. А с Булатом у неё не было таких близких отношений, как с этими двумя, он ей уже тогда казался несколько холодным и отчуждённым, и это спасло его от откровений юной революционерки.

Ирина Живописцева, свояченица Булата, рассказала, как после ареста Софианиди и Цыбулевского Булата и Алексея Силина вызвали в НКВД и предупредили: если они не прекратят свои сборища, их ждёт та же судьба. Силин тогда так был напуган этой историей, что, не доучившись, забрал документы из университета и уехал из Тбилиси в неизвестном направлении (подтверждения тому, что он ушёл из университета, нашлись в архиве ТГУ). Куда он делся, так и не удалось выяснить. Сокурсники о нём больше никогда ничего не слышали. Но, может быть, не страх перед НКВД заставил его скоропалительно бросить университет – в атмосфере всеобщей подозрительности многие шушукались, что именно Силин выдал подпольную организацию, хотя впоследствии выяснилось, что предателем был другой человек.

Булат же, хоть и доучился, чувствовал себя после случившегося не очень уютно и сразу по окончании университета рад был уехать из Тбилиси куда подальше.

Вот по этим причинам, вероятно, молодые супруги Окуджава и попросились по распределению в Россию.

Благополучно защитив дипломные работы, они стали собираться в большую жизнь. Вместе с ними готовился к отъезду младший брат Булата Виктор. Полтора года назад вторично арестовали их маму Ашхен Степановну, и Виктор жил в Ереване с тётей Сильвией, сестрой матери, и закончил девятый класс. Теперь Виктор поедет с братом и будет учиться в десятом классе под его присмотром. В том, что работать молодым специалистам придётся в школе, особых сомнений не было. Может быть, были какие-то мечты, но...

В университете была обязательная практика в школе. Нас готовили для этой роли. Потому что из сорока студентов, допустим, кончавших университет, двое шли в аспиран-

туру, ещё несколько – в газеты, а остальные – в учителя. Мне как сыну «врагов народа» не светила ни аспирантура, ни тем более редакция. Да и, честно говоря, меня в науку совершенно не тянуло. У меня была одна задача – зарабатывать себе на жизнь³.

Ну, здесь придётся внести небольшое уточнение. О какой, собственно, аспирантуре он мог мечтать с его оценками? Ведь в университете он учился, мягко говоря, неважно. И тёмное прошлое родителей здесь совершенно ни при чём. Другое дело – редакция. Он как человек пишущий вполне мог бы рассчитывать на такую работу, если бы не был «вражеским» отпрыском.

2.

Летом 1950 года Булат, Галина и Виктор приехали в Москву. В Министерстве просвещения на Чистопрудном бульваре, куда Окуджава явился за назначением, ему предложили на выбор несколько областей России. Он выбрал Владимирскую – поближе к Москве.

Галина с Виктором остались у тёти Мани, а Булат отправился во Владимир устраиваться. В город он приехал вечером, когда все учреждения уже были закрыты. Посмотрим, что он сам рассказывает об этой поездке:

Приехал во Владимир вечером. В отдел народного образования мог пойти только утром. Куда деваться? Я отправился в вокзальный ресторан. Сидел, независимый человек, заказал рюмочку ликёра, кофе и так хотел ночь просидеть в ресторане. На моё несчастье ко мне подсади двое – мужчина и женщина, пьяные. Заказали себе водки пол-литра и по тарелке щей. Выпили эту бутылку, опьянели ещё сильнее, но женщина всё-таки лыко вязала. Она поглядывала на меня, а у меня были усики, свеженькие. И вдруг она громко говорит: «Вот Сталин сидит». А это был пятидесятый год. Мне стало не по себе. Но потом она, напившись, заснула. А мужик очнулся, стал разговаривать. Что делать – пришлось мне его слушать. Он рассказывает, что на вербовал женщину и везёт их в Архангельск на лесозаготовки и эта – одна из них. Я стал спрашивать: «А как там, на лесозаготовках?» Он отвечает: «Плохо очень, вредители окопались, кулаки, начальство из врагов народа состоит, в общем, беда большая...» Я говорю: «Надо об этом в газету какую-нибудь написать». Он: «Да я не умею». Я предлагаю: «Говори, рассказывай, а я запишу». И он мне стал диктовать. Писал я, писал, неожиданно подходит железнодорожный милиционер в малиновой фуражке: «Ваши документы». Я ему протянул свои бумаги, все, какие были. Он их забрал, взял и записную книжку, куда я заносил то, что диктовал мужик, и велел мне пройти. Отходим мы от стола, а мужик кричит: «Куда Сталина ведёте?» Привели в дежурное отделение, милиционер докладывает: «Вот, товарищ капитан, этот гражданин у пьяных что-то выспрашивал и записывал». Капитан распорядился: «Давай его туда». И меня – в кутузку⁴.

Ночь Булат провёл кошмарную. Стоило уезжать из Тбилиси, чтобы здесь сразу влипнуть в такую неприятную историю! Утром начнут разбираться, пошлют запрос в Грузию, узнают, что он сын «врагов народа» и в университете дружил с такими же...

Да и сам он, положив руку на сердце, хорош был. Уж больно пижонский подозрительный вид – чубчик кучерявый, усики, шикарный светлый пиджак (он его получил в Тбилиси в военкомате из американских подарков как участник войны). И ликёр же ещё пил при этом – нет чтоб, как все нормальные люди, водку пить! Ну, хотелось ему соответствовать такому образу. И если всмотреться в юношеские его фотографии, можно увидеть, какое большое значение он тогда придавал своей внешности. Тогда, а может, и потом. Забегая вперёд, отметим, что костюм этот лендлизовский, наверное, действительно был какой-то особый – он потом своим

³ Окуджава Б. Куда поступал Онегин / Интервью брала И. Ришина // Первое сентября 1992. 17 окт.

⁴ Окуджава Б. Куда поступал Онегин / Интервью брала И. Ришина // Первое сент. 1992. 17 окт.

ученикам про него рассказывал, что вот-де встречался как-то в Тбилиси с иностранцами и они интересовались, сколько стоит его костюм. Впрочем, это он не о костюме своём рассказывал, а пример меркантильности иностранцев приводил.

...В шесть утра его вызвал из камеры новый, сменившийся, милиционер и, вернув документы, отпустил на все четыре стороны. Но Булат таких страхов натерпелся за ночь в камере, что и думать забыл, зачем приехал. Тут же купил билет на ближайший поезд до Москвы, дождался его, не выходя из вокзала, и был таков. А в Москве снова пошёл в министерство и попросил сменить ему Владимирскую область на какую-нибудь другую.

Так он и попал в Калужскую. Здесь ему придётся прожить долгие шесть лет. А случай на владимирском вокзале Окуджава опишет в одном из автобиографических рассказов тридцать пять лет спустя. Правда, в рассказе действие будет происходить не во Владимире, а в Калуге и при совсем других обстоятельствах.

В Калугу он поехал уже не один, а сразу вместе с женой и братом – здесь было где остановиться: на перекрёстке улиц Красная (сейчас – Маршала Жукова) и Горького в собственном доме жили родственники Галины.

...Утром 11 августа 1950 года молодой специалист сидел в приёмной заведующего областным отделом народного образования Ивана Ивановича Сочилина. Тридцатисемилетний заведующий облоно был приветлив и доброжелателен. Это посеяло в душе молодого специалиста какие-то надежды. На груди его горел новенький университетский значок. Вот-вот перед ним откроются самые радужные горизонты. Впоследствии Булат Шалвович с самоиронией описывал этот момент:

Гость предполагал, что ему поручат по меньшей мере заведование кафедрой в маленьком пединституте (к слову сказать, пединститута в Калуге тогда ещё не было. – М.Г.) этого захудалого городка. Но об этом не было ни слова. Он ждал, что ему предложат быть хотя бы директором самой показательной школы города, но и этого не произошло. Вместо всего этого заведующий облоно сказал, что самое замечательное, если уважаемый филолог отправится в далёкую сельскую школу и поработает там учителем, неся свет в массы и приобщая местных учителей к большой университетской науке⁵.

Через тридцать пять лет легко было с улыбкой вспоминать об этом, а тогда – можно представить, как обескуражен был Булат таким предложением – ему, городскому человеку, ехать в какую-то богом и людьми забытую деревню без всяких удобств! Он попытался в доходчивой форме объяснить собеседнику, что это никак невозможно, что ему крайне необходимо остаться в городе, он даже придумал на ходу, что пишет диссертацию и для её завершения ему нужна городская библиотека. Такая тяга к научной работе очень обрадовала заведующего облоно, и он предложил Булату работу не просто в сельской школе, а в деревне Шамордино Перемышльского района, где раньше был женский монастырь и где более двадцати лет жила сестра Льва Толстого Мария. Лев Николаевич несколько раз навещал её там, последний раз уже после своего ухода из дома, незадолго до смерти. Вот где простор для научных изысканий!

– ...Вы представляете, какой материал?.. Тайна ухода Толстого в ваших руках!⁶

Спорить было бесполезно. Булат сдался и согласился ехать в деревню со странным названием. Кстати, о названии. Мой знакомый, учёный-химик, топонимист и вообще энциклопедически образованный человек Алексей Львович Шилов, ныне, к сожалению, покойный, предположил, что оно как-то связано с носителем фамилии «Шамардин», которая, в свою очередь, происходит от старинного имени «Шахмардан», означающего в переводе с татарского

⁵ Окуджава Б. Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова // Лит. газ. 1976, 27 окт. С.7.

⁶ Там же.

«царь храбрых». Оказывается, название это действительно происходит от фамилии старинных калужских землевладельцев Шамординых, коим принадлежали многие имения и поместья.

Сочилин написал записку заведующему району в Перемышле, чтобы тот оказал содействие в устройстве семьи нового учителя, и на том они расстались. Знал бы Иван Иванович, сколько крови ему попортит в ближайшие год-полтора этот скромный деревенский учитель, может, и не стал бы настаивать, чтобы тот ехал в деревню.

Мне было 26 лет, когда в 1950 году с дипломом филолога в кармане и университетским значком на лацкане пиджака я очутился после шумного Тбилиси в Калужской области, в тихом Шамордино, известном своим женским монастырём, куда приезжал к сестре Лев Толстой⁷.

Здесь, кстати, придётся поспорить с одним популярным в Калужской области мифом. Не раз приходилось слышать от тамошних собеседников, и даже в областных газетах такая мысль встречалась неоднократно, что, мол, в деревню, «за сто первый километр» его загнали из-за родителей – чуть ли не репрессировали. Это преувеличение: а как же остальные тысячи выпускников с «чистой» биографией, которых распределяли в деревню? И оценки в дипломе у многих были получше. Кому-то ведь надо было работать и в деревне...

Он, конечно, не скрывал неприглядные факты из своей жизни – это было бы просто опасно. Всё равно правда вылезла бы наружу, и он навлёк бы на себя лишние подозрения. Вот его автобиография, написанная в день поступления на работу в Шамордино:

Родился 9 мая 1924 года в г. Москве.

С 1934–1937 годы жил в г. Н-Тагил.

Отец Окуджава Шалва Степанович, в 1937 г. органами НКВД был арестован.

С 1937 г. по 1941 г. проживал и учился в Москве.

В 1941 г. эвакуировался с семьей в г. Тбилиси.

В 1942 г., окончив 9 классов, ушел добровольцем в Красную Армию.

В 1944 г. ввиду ранения и болезни был демобилизован.

В Тбилиси окончил вечернюю школу и поступил в Гос. университет на филологический факультет. Окончил в 1950 году.

Посмотрим ещё один документ, заполненный в этот день, – личный листок учёта кадров. Из этого документа видно, что отец «враг народа» – не единственный изъян в биографии будущего учителя. Есть и личные грехи – он не член комсомола! Это очень серьёзный недостаток, хотя некомсомольство его было как раз следствием того, что отец арестован.

11/VIII–50 г. Окуджава Булат Шалвович.

Грузин, родители из рабочих, до Октябрьской революции учащиеся, после служащие.

Б/партийный, в комсомоле не состоял.

Паспорт выдан 06.08.1949 (почему-то всего на один год. – М.Г.)

С 1946 года состоит членом профсоюза работников высшей школы.

В рядах РККА находился с августа 1942 по 1944 годы рядовым в качестве миномётчика Северо-Кавказского фронта. В настоящее время рядовой запаса I категории, военно-учётная специальность № 134⁸.

На вопрос анкеты: *Состояние здоровья (имеет ли ранения, контузии, какие и когда получил)* вписан ответ: *ранен и контужен в декабре 1942 г.*

И ещё одна графа:

⁷ Окуджава Б. Куда поступал Онегин / Интервью брала И. Ришина // Первое сентября. 1992. 17 окт. С. 3.

⁸ Военно-учётная специальность № 134 – это командир орудия 2С3 или 2С5.

Знание иностранных языков: немецкий и английский – слабо. Знание языков народностей СССР: грузинский – тоже слабо.

Пусть не торопится читатель кидать в меня камень за термин «народности» – это в типовом бланке листка учёта кадров так написано. То есть в СССР был один народ, причём великий – русский, остальные же так, не нации даже, а народности. Это отступление от темы для тех, кому по сей день мерещится якобы существовавшая в той стране дружба равноправных народов, а не колониальное иго.

Дальше стандартные прочерки: не участвовал, не привлекался...

Из родственников названы двое – жена Смольянинова Галина Васильевна и брат – Окуджава Виктор Шалвович.

Домашний адрес указан тбилисский, где они жили с родителями жены: ул. Бараташвили, д. 8, кв. 7.

Ну и последний документ, относящийся к началу трудовой деятельности Булата Окуджава в Калужской области:

ПРИКАЗ

по Калужскому областному отделу народного образования

№ 672-к от 11 августа 1950 г.

ОКУДЖАВА Булата Шалвовича, окончившего филологический факультет Тбилисского государственного университета, назначить преподавателем русского языка и литературы в Шамординскую среднюю школу Перемышльского района.

Зам. зав. облОНО А. Никольский

3.

Окуджава прожил в Шамордине всего один год, однако этот год оставил большой след в его жизни, в его сердце – недаром из полутора десятков автобиографических прозаических произведений три связаны с пребыванием автора в этой деревне. Повесть «Новенький как с иголки»⁹ он написал спустя десять лет, в 1962 году, а ещё через четырнадцать лет появился рассказ «Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова», и, наконец, ещё через девять лет, в 1985-м, вышел последний рассказ на эту тему: «Искусство кройки и житья». Вспоминал он Шамордино и в разных интервью, а однажды в «Литературке» даже опубликовал статью¹⁰ (I), где снова обратился к теме своего учительства именно здесь. В общем, воспоминания о пребывании в этом краю сопровождали его на протяжении всей жизни. Любил он и приезжать сюда, нередко с московскими друзьями.

В повести «Новенький как с иголки» Окуджава описывает многие события так, как они происходили на самом деле. Герои повести даже фамилии носят, похожие на фамилии их реальных прототипов. Так, заведующий облоно в повести – Сутилов. Кстати, в более позднем рассказе, написанном четверть века спустя после Шамордина, Булат вообще назвал его настоящей фамилией – Сочилин. Но это всё-таки повесть, а не мемуары, и художественный вымысел в ней, разумеется, присутствует¹¹.

⁹ Курсивные цитаты из этой повести в тексте главы даются без ссылок.

¹⁰ Окуджава Б. Если бы учителем был я / Литературная газета. 1995. 30 авг.

¹¹ Так же, как присутствует он и в первой повести – «Будь здоров, школяр». Например, её герой уходил на фронт из

Лирический герой художественного произведения, даже автобиографического, вовсе не обязан во всём совпадать со своим творцом. Однако, по собственным неоднократным заявлениям Булата Шалвовича, он всю жизнь писал о себе, и именно поэтому все отклонения от действительности в его прозе представляют большой интерес для исследователей, поскольку почти всегда имеют какую-то вескую причину.

В повести «Новенький как с иголки» основное несовпадение с действительностью в том, что главный герой приезжает учительствовать один, то есть не только без брата, но и без жены, и вообще он холост. Думается, что это связано с более поздними обстоятельствами жизни Булата. Одним из объяснений может быть то, что в период написания повести он уже ушёл от Галины и жил со своей новой невестой в Ленинграде. Конечно, он тяжело переживал разрыв и, видимо, просто не мог писать про прежнюю жену, с которой к тому же не был ещё и разведён. Да и новой невесте это могло не понравиться.

Кто-то может не согласиться с подобными соображениями – дескать, это художественное произведение, и в его рамках автору просто некуда было деть ни жену, ни брата... Возможно, возможно, но мне всё-таки кажется, что моя версия имеет право на существование, хотя бы потому, что ни в одном из всех его произведений, где описывается этот период и где все события очень близки к реальным, – жены тоже нет.

Галина Васильевна умерла в тридцать девять лет, через год после развода с Булатом, от сердечного приступа. И боль от этой трагедии, в которой в чём-то, наверное, косвенно повинен был он сам, сопровождала его всю жизнь.

На долю этой весёлой и доброй женщины выпали самые трудные, неустроенные годы жизни Булата, годы ожиданий и надежд, и её мягкий спокойный характер помог ему преодолеть все невзгоды. На чёрно-белых снимках того времени не видно её зелёных глаз, но некоторые близкие ему люди говорили мне, что «Господи, мой боже, зеленоглазый мой» в «Молитве» – это о Галине. В частности, это говорил Виктор Шалвович, брат Булата.

4.

...Выйдя из облоно, Булат оглядел толпу молодых специалистов, только что, как и он, получивших назначение, и крикнул: «Кто в Шамордино?» Отозвалась одна девушка, и они вместе пошли искать попутную машину. Девушку звали Вера Лапшина, ей предстояло учить детей математике.

Вера Яковлевна Кузина (Лапшина) тоже помнит этот момент:

– Я закончила Калининский пединститут. Нас пятнадцать человек в Калугу приехало. Предложили нам список школ в разных районах области. Все выбирали поближе к железной дороге. А я выбрала Шамордино, потому что это название мне было знакомо – незадолго до этого прочитала воспоминания Т. А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»¹².

Вот так, только Толстым в Шамордино и заманивали. Чем было плохо это село – добираться неудобно, автобусы туда не ходили, и доехать можно было только на попутной машине. И то не до самого села, а до Каменки, откуда ещё километра два-три пешком надо было идти, причём в гору.

Попутка довезла их до районного центра – Перемышля. Вера осталась ловить машину дальше, а Булат пошёл искать районо. Оно оказалось совсем недалеко, в большом двухэтажном доме. Заведующий встретил молодого специалиста очень хорошо: до этого у них в районе не было преподавателей с университетским образованием, а тут сразу два – муж и жена. Немоло-

Москвы, тогда как с самим Булатом это происходило в Тбилиси. Наверное, сменить место действия ему потребовалось, чтобы не вдаваться в подробности, как и почему он, собственно, оказался в Тбилиси – это увело бы сюжет повести в сторону.

¹² Здесь и далее воспоминания очевидцев приводятся в виде расшифровки нередактированной диктофонной записи.

дой уже, но подтянутый, с военной выправкой, Павел Иванович Типикин до войны сам учительствовал здесь же. В войну дошёл до Германии, встретил победу заместителем командира артбатальона.

В Перемышль вернулся в 1948 году и был назначен заведующим районным отделом народного образования. Типикин и Окуджава понравились друг другу, может быть, оттого, что оба воевали, оба служили в артиллерии.

Заведующий районо, не скрывая радостной улыбки, позвонил директору школы, расписывая меня самыми фантастическими красками. Затем он сам лично проводил меня до шоссе, посадил в кузов случайного попутного грузовика и пожал мне руку¹³.

Это была первая, но далеко не последняя их встреча: Павлу Ивановичу Типикину ещё предстоит в скором будущем сыграть в жизни Булата важную роль – если бы не его помощь, жизнь молодого словесника могла бы сложиться куда как менее благополучно.

Окуджава добрался до места, и увиденное несколько примирило его с судьбой сельского учителя:

Этот холм, мягкий и заросший, это высокое небо, этот полуразрушенный собор, несколько домишек вокруг... А там, за оврагом, – Васильевка, деревенька, похожая на растянувшуюся детскую гармошку...

...Как хорошо! Как тихо! И солнце... Внизу, под холмом, счастливой подковкою изогнулась река. На горизонте лес. Почему я отказывался ехать сюда? Не помню. Уже не помню... Солнце. Ранний вечер. И ни души. Что может быть лучше после грохота поездов, духоты вагонов, суеты большого города, тряских грузовиков, равнодушных чиновников?

Место было действительно чудесное. Когда-то здесь, на высоком берегу реки Серёны, был большой женский монастырь.

Кстати, о названии реки. Дело в том, что калужане называют её несколько иначе, чем услышал я в первый раз – Серёна. Но старожилы той местности, с которыми мне довелось беседовать, настаивали на ударении на первом слоге. О происхождении же названия мне никто не смог ничего сказать. Была у меня своя оригинальная версия объяснения этого названия – так нет же! Две мои подруги-редакторши так на меня накинулись, что я промолчу, пожалуй¹⁴. С женщинами спорить...

Так вот, монастырь. Основал его знаменитый старец Амвросий из Оптиной пустыни, прототип старца Зосимы в «Братьях Карамазовых», а в миру – А. М. Гренков. Для монастыря было выбрано, как уже сказано, изумительное по красоте место – с холма открывался вид на долину, в которой, причудливо извиваясь, река делала почти полный круг.

...Как-то в семидесятые годы Окуджава приехал в эти края вместе с Владимиром Солоухиным. Они много бродили по окрестностям, разговаривали со старожилками. Один из них, Павел Суворов, показал гостям куст татарника – по утверждению местных жителей, прообраз куста, описанного в повести «Хаджи-Мурат». Всё увиденное так потрясло Солоухина, что он поминутно повторял: «Непонятно! Непонятно!» А Окуджава всю дорогу подтрунивал над ним: «Всё понятно. Всё понятно».

Позже Солоухин напишет:

Я вообще не видел нигде такого места, как в Шамордине. Ну, бывают пригорки, холмы, увалы и дали, бывают луга с извилистой через них рекой, но

¹³ Б. Окуджава. Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова.

¹⁴ Серен, по Далю, – это гололёд, ледяная корка, снежный и ледяной наст, который ломается, крошится и хрустит, – в том числе на реке. Вероятно, в давние времена зимой, когда речка замерзала, бабы ходили бельё полоскать в проруби и говорили – пойдём «на лёд», на серен, то есть, а потом постепенно так стали и саму реку называть.

чтобы всё это было представлено в таком исполнении – редко, исключительно.
Я не видел¹⁵.

...Оптинский старец Амвросий давно был озабочен созданием монастыря для неимущих женщин. Монастырей по России было немало, но принимали в них либо тех, кто в состоянии был купить для себя келью, либо здоровых и способных исполнять тяжёлые монастырские послушания. Тем же, у кого не было ни здоровья, ни денег, то есть наиболее нуждающимся в монастырском приюте, деваться было некуда.

Вот о таких обездоленных и заботился батюшка Амвросий.

В 1871 году одна из духовных дочерей Амвросия, помещица Ключарёва, купила имение Шамордино. Вскоре вдова скончалась, оставив имение и капитал в банке своим внукам. При этом в завещании оговаривалось, что в случае кончины сестер Ключарёвых в имении должна быть основана женская иноческая община. Девочки ненадолго пережили бабушку и умерли от дифтерита через два года.

Отец Амвросий начал посылать сюда женщин, оставшихся без средств к существованию, одиноких, не имеющих пристанища и сил для работы. Из сирот и брошенных детей составилась Шамординский приют. Вскоре в монастыре обитало уже более пятисот сестёр.

В 1885 году в монастыре случился пожар. Единственный колодец находился внизу, под крутым холмом, и в результате деревянная обитель выгорела дотла. 8 июля 1889 года была совершена закладка грандиозного каменного соборного храма на месте бывшего деревянного. Для строительства был даже специально построен кирпичный завод. Строился новый храм на деньги чаепрогвца С. В. Перлова, того самого, который через несколько лет построит в Москве на Мясницкой знаменитый чайный дом – трёхэтажную «пагоду» с драконами, змеями, орнаментами и фонариками на фасадах, до сих пор радующими своим великолепием глаза москвичей. Кроме главного храма – Казанского, поражавшего своими масштабами и великолепием, были возведены усыпальница, трапезная, больница, корпус для сестёр. Все постройки были выполнены добротной, из красного кирпича, в так называемом «русском стиле».

В 1890 году старец Амвросий скончался, и монастырь наверняка захирел бы, если бы не продолжавшаяся очень действенная помощь С. В. Перлова. Думал Сергей Васильевич и о том, чтобы монастырь сам начал зарабатывать деньги, чтобы после его ухода из жизни ничто не могло угрожать благополучию его обитателей.

Для этого Перлов обустроил для сестёр всевозможные мастерские: нанял обучающих мастеров, присылал всякие пособия и инструменты. К началу XX века в обители было 800 насельниц. Помимо подсобного хозяйства сёстры трудились в мастерских: иконописной, золотшвейной, башмачной, занимались фотографией, гончарным делом, ковроткачеством. Имелись в монастыре своя типография и свой кирпичный завод. При обители существовали приют для девочек-сирот, приют для калек и убогих, женская богадельня, больница и странноприимный дом.

Сергей Васильевич Перлов умер в 1911 году и был похоронен в Шамординском монастыре.

Вот в этом монастыре и провела двадцать один год Мария Николаевна Толстая (1830–1912) – младшая сестра Л. Н. Толстого. Местные жители рассказывают, что когда Лев Николаевич приехал в Шамордино первый раз, он спросил у Марии Николаевны: «И сколько же вас, дур, здесь живёт?» Она ответила: «Семьсот», и в следующую встречу подарила ему подушечку с вышивкой: «Одна из семисот Шамординских дур». Тогда, в первое посещение Шамордина, он вчерне написал здесь повесть «Хаджи-Мурат».

¹⁵ В. Солоухин. Время собирать камни. М.: Москва, Правда, 1990.

А за несколько дней до смерти, после ухода из Ясной Поляны, Толстой, переночевав в Оптиной пустыни, поспешил уехать в Шамордино, к любимой сестре. Он хотел остаться в Шамордине жить, даже внёс задаток, три рубля, чтобы снять угол в деревне...

Толстой провёл у сестры два последних, очень тёплых и душевных, вечера. Домашний врач и друг Льва Николаевича Д. П. Маковицкий, сопровождавший его в последней поездке, так увидел их встречу:

...Застал их в радушном, спокойном, весёлом разговоре... Беседа была самая милая, обаятельная, из лучших, при каких я в продолжение пяти лет присутствовал. Лев Николаевич и Мария Николаевна были счастливы свиданием, радовались, уже успокоились...

На другой день они опять очень хорошо разговаривали, и, уходя вечером, Лев Николаевич сказал сестре, что утром они опять увидятся. Однако тем же вечером приехала его дочь Александра Львовна, о чём-то поговорила с отцом, и рано утром, около пяти часов, Толстой спешно покинул Шамордино. Даже не простился с Марией Николаевной.

А дальше известно – болезнь и смерть на станции Астапово.

Когда-то, ещё в первый свой приезд в Шамордино, Лев Николаевич встречался со старцем Амвросием, разговаривал с ним, спорил, но великий проповедник, видимо, не смог убедить Льва Николаевича. Не случайно за год до смерти, 22 января 1909 года, Толстой записал в своём дневнике: «Заявляю, кажется, повторяю, что возвратиться к церкви, причаститься перед смертью я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки. И потому всё, что будут говорить о моём предсмертном покаянии, причащении, – ложь».

Понятны эти опасения Толстого и сегодня: ведь всякой «придворной» конфессии, как и «придворной» партии, для убедительности нужно записать к себе как можно больше известных и уважаемых людей. Так случилось и с Булатом Шалвовичем – его частенько при жизни, что называется, «за уши» пытались приспособить к церкви. И он неоднократно, хоть и не так категорично, как Толстой, заявлял, что уважает чувства верующих, но просит уважать и его чувства.

Вот один из примеров, когда интервьюер не мытьём, так катаньем выбивает из поэта признания в религиозности:

– Вы часто говорите, Булат Шалвович, что вы атеист, что вы так воспитаны... В смысле ваших «официальных» отношений с Господом Богом – я понимаю, что вы определяете себя как атеист. Но когда я слушаю ваши песни, для меня они как бы доказательство существования Бога. И мне кажется ещё, что если вы умеете так радоваться существованию мира сего, любви человеческой, общению людей друг с другом, значит, и вы каким-то способом веруете в этот высший смысл жизни.

– Очень может быть, что это происходит помимо моего сознания. Но я до сих пор – я так был воспитан, – я до сих пор не могу представить себе Бога. Понимаете? Не могу. И слава богу, что я не притворяюсь в угоду моде... Я не могу себе этого представить. Мне Церковь совершенно неинтересна, кроме музыки. Вот песнопения церковные люблю, но не потому, что они религиозные, а просто как великую музыку.

– Но если человек может сотворить такое, – настаивает журналист, – если мир так прекрасен и жить хорошо...

Но Окуджава журналиста перебивает:

– Но вот для меня нет Бога. Для меня есть... ну, логика природы, логика развития природы. Для меня это существует, не познанное мной. Я и не пытаюсь представить себе Бога как личность, как существо, я не могу. Хотя я совершенно не пытаюсь навязать свою

*точку зрения кому-нибудь и очень уважаю истинно верующих людей. Не притворяющихся, а истинно верующих. Но моя вера вот какова. И я хочу, чтобы меня уважали тоже*¹⁶.

Впрочем, мы отвлеклись. Может, и не стоило здесь заострять внимание на личных убеждениях поэта по поводу религии, но уж больно актуально они звучат сегодня, когда страна наша из светской всё более превращается в клерикальную, когда в судах анализируется правильность учения Дарвина, а Закон Божий не сегодня завтра станет обязательным уроком в школе.

Конечно, любому режиму выгодно иметь церковь в союзниках. И неважно, какую именно религию исповедуют его подданные, – стоит ему произнести: «С нами Бог!» или «Аллах акбар!» – и все с удовольствием кинутся «мочить в сортире» тех, с кем Бога нет.

Приведём в заключение ещё только одну фразу поэта по этому поводу:

*...Особенно православная церковь мне не симпатична. И дело даже не в этом. Просто я не люблю эту пышную обрядность, позолоту, мишуру, этих невежественных священников, которые ходят с этими крестами*¹⁷.

5.

После известных событий 1917 года монастырь в Шамордине постигло бедствие пострашнее пожара 1885 года. В 1923 году он был закрыт и разграблен, часть монашек расстреляли, часть отправили в ссылку. Всё порушили, поломали, загадили в одночасье. Растащили даже надгробные плиты с кладбища. Кому-то пригодилось и надгробие сестры Льва Николаевича – может быть, его сегодня можно найти на каком-нибудь другом погосте в этих краях, а может, в качестве гнёта взяли – капустку квасить...

Добротные монастырские строения недолго пустовали. В здании Казанского собора разместился сельхозтехникум на семьсот курсантов, здесь готовили трактористов, комбайнёров и руководящих работников для колхозов: учётчиков, бригадиров. Там, где раньше возносились молитвы, теперь стояли сельскохозяйственные машины, а в алтаре в качестве наглядного пособия красовался огромный комбайн.

В храме, построенном когда-то в честь преподобного старца Амвросия, в войну разместились детский дом, а в большом двухэтажном здании, где раньше была монастырская больница, ещё до войны была открыта школа.

Учащиеся сельхозтехникума жили здесь же, в монастыре, а ученики школы были из окрестных деревень. Некоторым приходилось ходить в школу за десять километров. И только детдомовские жили прямо возле школы. Хоть в этом им повезло.

*Там ученики, кстати, были не только деревенские, на территории Шамордино находился детдом для детей репрессированных, не политических, а уголовных, всяких... Спецдетдом. Ребята оттуда у меня в классе тоже были*¹⁸.

Откуда взял Булат Шалвович, что это был спецдетдом какой-то, непонятно. Мне довелось общаться с некоторыми из тогдашних обитателей этого дома, и они говорили, что их родители вовсе не были репрессированными – они просто умерли. Хотя, возможно, были и такие, о каких говорит Окуджава. Но, так или иначе, это был обычный детдом.

Учеников в школе было много, и учиться приходилось в две смены.

*В маленькой, неказистой школе передо мной сидели девочки в платочках, мальчики в стоптанных сапогах, залатанной одежонке, тихие, послушные*¹⁹.

¹⁶ Окуджава Б. «Это моя жизнь...» / [Беседовал] Г. Пшебинда // Рус. мысль. Париж; М., 1998. 3–9 сент. С. 12–13.

¹⁷ Интервью Юрия Глазова, февраль 1991, Переделкино / Газета. 07.05.2004.

¹⁸ Окуджава Б. Куда поступал Онегин / Интервью брала И. Ришина // Первое сентября. 1992. 17 окт. С. 3.

¹⁹ Окуджава Б. Если бы учителем был я: Небольшой монолог в канун первого сентября. // Лит. газ. 1995. 30 авг. (№ 35). С. 6.

Не раз в своих описаниях Окуджава повторял, что школа была «маленькая, неказистая» – и это очень обижало его бывших коллег. Ничего себе «маленькая» – 600–650 человек учились, пусть даже и в две смены! Это была самая большая школа в районе, даже в Перемышле не было подобной. Но Булату Шалвовичу она запомнилась почему-то «неказистой». Может быть, в первой повести он специально нарисовал её такой, какой она была в большинстве деревень, ибо, кроме добротных стен, похвастаться школе было нечем.

Отапливалось здание плохо. Зимой в классах иногда стоял такой лютый холод, что на уроках замерзали чернила и приходилось пробивать лёд перьями. В повести «Новенький как с иголки» Окуджава привёл даже такое сравнение, очень удачное для школы, находившейся в бывшем монастыре:

А школа холодна, как склеп...

Нет, дрова, конечно, завозили, но, видимо, на всю зиму их не хватало. Поблизости от деревни леса не было, и заготавливали дрова так: в лесхозе за несколько десятков километров лесу навалит и в речку Жиздру покидают, а в Каменке, что уже близко от Шамордина, встречают и вылавливают.

Вера Яковлевна Кузина вспоминает:

– Дрова когда привезут, а когда и нет, в рукавицах писали. А вторая смена – одна лампа семилинейная керосиновая на весь класс, чуть-чуть доску освещает, а кельи длинные, сидит там тридцать человек...

Об этом же есть и в повести:

Меднолицые мои ученики плавно приближаются ко мне из полумрака классной комнаты. Ко мне, ко мне... Они плывут в бесшумных своих лодках, и красноватое пламя освещает их лица. И я, словно бог, учу их простым словам, самым первым и самым значительным.

Водопровод и электричество в Шамордино ещё не пришли, несмотря на давние и громкие обещания лидера большевиков Ленина об электрификации всей страны. Впрочем, водопровод здесь когда-то был, до революции, конечно, но после «победы трудящихся» трубы потихоньку стали приходить в негодность и ко времени приезда Булата были уже полностью разрушены.

Мы уже говорили о разграблении шамординского кладбища. Но тогда, сразу после победы большевизма, кладбище полностью уничтожить не удалось – процесс разрушения трудный, требует времени. Завершить «работу» удалось лишь в 1956 году, уже после того как семья Окуджава покинула Шамордино. Вот маленький документик – письмо жителей Шамордина в районную газету, выходившую в Перемышле:

«В с. Шамордино было хорошее кладбище. Но за последние годы сюда стали пускать скот, который могильные холмики все затоптал, а зелень обьял. По распоряжению председателя сельсовета Големинова зимой с кладбища срезали деревья для отопления сельсовета.

Жители возмущены таким надругательством над их чувствами и просят местные организации кладбище привести в порядок. Для этого много не надо – огородить его и рассадить зелень. Жители примут в благоустройстве самое активное участие»²⁰.

Проблема небольшая, казалось бы, всего-то и надо – огородить кладбище и «рассадить зелень». Но ко времени моего первого приезда в Шамордино в конце девяностых местные жители не только не смогли мне показать, где была могила сестры Толстого, но и место, где было кладбище, затруднились найти.

Ученики из дальних деревень после второй смены, в девять вечера, шли домой в пургу, в грязь, в любую погоду восемь-десять километров, а завтра – снова в школу.

– Дороги не было, ходили в снег, в дождь в резиновых сапогах. Пока дойдёшь, полные сапоги воды натечёт, так и высушивали на себе, – продолжает рассказ Вера Яковлевна.

²⁰ Колхозный труд. 1956. 13 июня (№ 48).

Бывшие монашеские кельи под классы были приспособлены плохо: длинные и узкие, они с трудом вмещали по двадцать учеников. Но и этих классов не хватало, поэтому приходилось использовать и коридор. Перегородили его в конце фанерой и сделали класс физики, а потом ещё и от этого класса кусок отделили для первоклашек. Учитель физики Гудков был хоть и строгим, но остроумным человеком, и фанерная стенка часто сотрясалась от хохота.

Учитель начальных классов Елена Александровна Зайцева вспоминает:

– Гудков такие примеры приводит, – ребята его как грохнут все со смеху, так мои малыши глазки испуганно таращат...

Просуществовала школа до конца восьмидесятых годов, пока монастырь не вернули церкви. После этого школа переехала в деревню Каменку в полутора километрах от монастыря. Это, конечно, удобнее и для учителей, и для учеников, потому что Каменка располагается внизу вдоль шоссе – добираться до школы из окрестных деревень значительно легче. Вот только учиться в ней некому стало. В некоторых классах по одному, по два ученика. Впрочем, у меня устаревшая информация – 2002 года. С тех пор я там не был. Теперь, может быть, и в Каменке уже школы нет, а может, и по-другому – она расширилась, разрослась и не школа уже теперь, а университет. Хотя из всезнающего интернета можно узнать, что Каменская школа и ныне существует под мудрёным названием МБОУ Каменская СОШ и обучаются в ней 98 учеников. Но мне лень копаться в интернете – останусь лучше в неведении.

От прежних обитателей после возвращения религии во власть в Шамордине оставался один старый бывший учитель физики Николай Михайлович Гудков. Ему уже трудно было ухаживать за собой, поэтому летом его подкармливали сёстры из вновь действующего монастыря, а зиму он проводил в больнице в деревне Подборки, в нескольких километрах от своего дома, где и умер.

6.

...Директора школы Булат нашёл быстро. Михаил Тихонович Солохин (в повести «Новенький как с иголки» – Шулейкин) встретил его радушно, провёл по всей территории бывшего монастыря, показал школу и квартиру, где предстояло жить молодым учителям.

Булат устроился на месте и вернулся в Калугу за женой и братом. На следующий день приехали в Шамордино все вместе, и Булат с Галей сразу пошли гулять, осматривать местные красоты.

Николай Михайлович Гудков вспоминает первую встречу с ними:

– Я ловил на речке пескарей. Вижу, сверху спускаются двое, незнакомые молодые мужчина и женщина. Идут, разговаривают, и вдруг до меня донеслось: «Смотри, Булат, как тот дядька похож на Маяковского». Вечером познакомились, – оказывается, это новые учителя...

Неудивительно, что высокий стройный Гудков показался Галине похожим на Маяковского – они тогда были им увлечены, Булат даже дипломную работу делал по его поэмам.

Семья получила две комнатки в небольшом домике буквально в пяти метрах от Казанского собора. Одни рассказывают, что в этом доме некогда жил монастырский казначей, другие – что игуменья.

В соседних комнатах жили ещё несколько учителей: в одной учитель математики и завуч школы Клавдия Ивановна Громова, в двух других – физрук Михаил Илларионович Гончаров, его жена, учительница начальных классов Екатерина Ермолаевна Лантьева, их сын Слава и дочь Женя. И в последней комнате жили Емельян Михайлович и Наталья Ивановна Амелины. Они не были преподавателями – он работал в школе завхозом, а она была «педслужашая» (так в школе называли технических работников). Наталья Ивановна приходила в школу ночью, часа в три, и до утра топила печь, чтобы к урокам школа хоть немного прогрелась.

Местный коммунальный быт был совершенно непривычен новоявленным шамординцам.

В коридоре висели умывальники, у каждого свой, только у Громовой его не было, – она просто из кружки умывалась в своей комнате, и Амелины держали свой у себя в комнате. У Булата возле умывальника висела полочка с зеркалом, на которой лежало мыло. И вот однажды мыло пропало...

– Мыло духовитое было. Не туалетное, а духовитое, – уточняет Евгения Самохина (Лантеева). – Мать меня спрашивает: «Женя, ты не брала мыло Булата Шалвовича?» Я говорю: «Нет, зачем мне?»

Тут Булат прямым ходом направляется к Амелиным и просит хозяйку зайти к нему. Вошедшей Наталье он прямо с порога безапелляционно заявляет: «Вы взяли моё мыло, прошу вернуть». Та вдруг засуетилась: «Ой, я-то не брала, пойду, узнаю, может, муж случайно взял». Через минуту возвращается, несёт мыло, правда, кусочек от него уже отрезан. После этого случая Булат с Галиной тоже забрали свой умывальник в комнату.

Были в Шамордине и магазин свой, и пекарня, где выпекали чёрный хлеб для детского дома и сельхозтехникума. Продавали хлеб и другим шамординцам: преподавателям, воспитателям детского дома, техническому персоналу – в общем, служащим. Колхозникам хлеба не продавали, они должны были печь свой. Да у них и денег на хлеб не было, поэтому зимой, когда полученное за работу в колхозе зерно заканчивалось, они пекли хлеб не столько из муки, сколько из картошки. Хлеб получался тяжёлым, плотным, как пластилин. А в магазине, кроме подсолнечного масла, ничего съедобного не было. Поэтому многие учителя имели подсобное хозяйство: выращивали картошку, капусту, держали скотину – если уж не корову, то хотя бы поросёнка. Иначе прожить было невозможно.

Потом – тяжело было материально. Я и моя жена зарабатывали – дай бог памяти – примерно 1100 рублей на двоих. По тем меркам. Без своего хозяйства это было очень сложно. Доходило до того, что весной, например, мы варили суп из свежей крапивы. Ну, картошки немного добавляли – и всё²¹.

Супруги Кузины вспоминают, как ездили за продуктами в столицу, не тогда, а уже в шестидесятые-семидесятые годы. Как набирали кучу батонов белого хлеба, замораживали их на крыше своего дома, а потом, по мере необходимости, размораживали. И вспомнилось в связи с этим рассказом, как неприязненно городские встречали тогда эти деревенские десанты, как негодовала пресса, что вот, мол, скупают хлеб, чтобы свиней кормить.

– Стоим на Киевском вокзале, слышим, говорят: в Филях продают пшено. Мы – в Филях. Там нет. Говорят, в Раменском есть. Едем в Раменское. Там тоже нет. Всё обмотаешь, пока найдёшь...

Дом, в котором предстояло жить семье Булата, стоял на краю холма, круто спускающегося к речке, поэтому с фасада он имел один этаж, а сзади два.

В нижнем этаже учителя держали скотину. Булат возиться со скотиной не захотел, надолго оставаться здесь в его планы не входило. От огорода он тоже отказался. Ездил по субботам за продуктами в Козельск на рынок, покупал там самую дешёвую колбасу, из которой потом неделю варили суп. Очень голодно жила деревня в 1950 году. Гудков вспоминает, как они с Булатом весной выкапывали из-под тающего снега мёрзлую картошку. Картошка была скользкая и с червями, они разламывали её, вытаскивали замерзших червей и слепляли снова...

Гудков с матерью жили в стоящем рядом домике поменьше. Кроме них, в доме жила семья учителя Сивагова. К Сиваговым подселили новую учительницу математики Веру Лапшину, ту самую, вместе с которой Булат ехал в первый раз из Калуги. Глава семейства Сиваговых Петр Александрович не так давно вернулся из лагерей. Был он скромным, тихим, доброжелательным человеком. Его дочь Варя училась в одном классе с Виктором Окуджавой. Виктор

²¹ Окуджава Б. Учитель-словесник / [Беседовал] Е. Типикин // Независимая газ. 1997. 20 сент.

тогда был очень симпатичным юношей, причём имел совсем не кавказскую внешность, светлые волосы и серые глаза.

Варя тоже была очень симпатичной, её отличали от других деревенских девушек необычные, может быть, даже аристократические черты лица, которыми она, наверное, обязана была отцу-полюку – он не был коренным уроженцем этих мест. Живя по соседству, Виктор с Варей вместе ходили в школу, вместе возвращались, и вполне естественно, что вскоре между ними возникла взаимная симпатия.

Отвлекаясь от темы, хочу отметить интересный факт: при таком поразительном внешнем несходстве братьев в молодости, они стали удивительно похожими друг на друга в пожилом возрасте, вплоть до мимики и жестов. Это тем более удивительно, что в последние лет тридцать Булат и Виктор не только не общались, но и не виделись.

7.

В Шамордине появление новых преподавателей вызвало большое оживление – уж очень они отличались от остальных. Вспоминает воспитательница детского дома Клавдия Петровна Кузькина:

– Я приехала работать в детдом в 1950 году. Нас было пять человек, мы раньше него (Булата. – М. Г.) приехали. Я только закончила педучилище, маленькая, худенькая, а они высокие, большие, – ой, какие представительные! Мы стали присматриваться к ним, потому как они цивилизованные люди, и одеты не так, как мы, и вообще такие высокие! Галина Васильевна была, ну, некрасовская женщина – она и полная, и фигуристая, и такая вот!

Вот такими великанами чуть ли не с другой планеты увиделись они даже не совсем деревенской, а уже окончившей Козельское педучилище девушке. И ещё Клавдия Петровна очень просила записать её слова о Галине:

– Это была замечательная, красивая, статная русская женщина. Она любила петь вместе с Булатом Шалвовичем, он играл, она пела. Все были очарованы этой парой, они смотрелись очень гармонично.

Не только взрослые, но и ученики сразу обратили на них внимание. Тогдашний ученик десятого класса Александр Сергеевич Рудзевич:

– Жена у него очень симпатичная была. Все любовались, как они под ручку шли в школу. Но Булат был совсем необычный.

– Мужчин у нас в коллективе было мало, в основном женщины. Он нам сразу понравился, – рассказывала Екатерина Ермолаевна Гончарова приехавшим из Москвы в Шамордино художницам Надежде Приходько и Ирине Засенко. Как же – с университетским образованием, да ещё из Москвы!

– Да, нам он сказал, что приехал из Москвы, – подтверждает учительница начальных классов Екатерина Фёдоровна Цыганкова.

И не у них одних осталось в памяти, что он приехал из Москвы, а не из Тбилиси, – может, он действительно так говорил? А может быть, просто упоминал, что он москвич, рассказывал о Москве больше, чем о Грузии, ведь, прожив в столице одиннадцать из первых шестнадцати лет, Окуджава всегда ощущал себя москвичом.

И вот ещё что сразу все отметили – он оставался совсем чужим и непонятным для большинства сельчан. И ладно бы, если бы только потому, что он человек из другого мира, не знакомый с местными обычаями и нравами. Думается, что, кроме разницы в воспитании и образовании, близко сойтись с людьми Булату мешали некоторые особенности его характера, в том числе – обострённое чувство собственного достоинства.

Другое дело – Галина. По своему социальному статусу она, дочь полковника, сначала была воспринята как чужая, не их круга женщина, так что многие, даже вспоминая её сейчас,

говорят, что она была богатая, из богатой семьи. Зоя Александровна Родина в разговоре с нами несколько раз повторила: «У неё родители были знатные», «Галя богатая была».

Сказать так о Булате никому в голову не приходило, то есть по социальному статусу они его числили своим. И, тем не менее, всегда улыбчивая, со всеми приветливая Галина быстро нашла общий язык с коллегами и соседями и надолго полюбилась им.

«Воображал он, конечно, не признавал нас. Жена, в отличие от него, была очень добрая и обаятельная», – улыбается Екатерина Фёдоровна Цыганкова. В деревне люди всё-таки были более простыми и открытыми. Булату же казалось наоборот. И вот ещё что запомнилось почти всем – был он всегда чистый, наглаженный, очень аккуратно и даже элегантно одетый. Хорошей хозяйкой, видно, была Галина.

Учителя встретили его дружески, почтительно. Правда, их сначала несколько корбило, что он слишком уж всё о себе выкладывает, не таится. Но потом привыкли.

Так пишет Булат Окуджава в рассказе «Частная жизнь Александра Пушкина, или Имущественный падеж в творчестве Лермонтова». Это подтверждает и рассказ Екатерины Ермолаевны заезжим художникам: «Булата Шалвовича мы полюбили всей душой, он нам показался человеком интересным, много рассказывал о своей жизни, о том, как он войну прошёл, как жил в Грузии».

Примерно то же говорила и Вера Ивановна Анчишкина, с мужем которой Булат довольно скоро свёл более короткое знакомство. Они собирались вечерами вчетвером – Булат с Андреем Ивановичем и их жёны, играли в домино, гуляли.

Но большинству коллег совсем не показалось, что он так уж «всё о себе выкладывает, не таится». Напротив, запомнилось, что был он замкнутый, «весь в себе», к тому же всё время что-нибудь ему не нравилось.

Елена Александровна Зайцева:

– Булат недоволен был, не хотел тут работать, школа плохой ему казалась.

Вера Яковлевна Кузина:

– В школе он вёл себя очень замкнуто, вечно недоволен, недоволен жизнью...

Ну, в общем, здесь нет ничего удивительного – с кем-то человек сходится ближе, делается откровенней, с другими – нет. Понятно, что с Гончаровыми он больше общался – они были соседями, кроме того, выяснилось, что Михаил Илларионович воевал, так же, как и Булат, под Моздоком, только в другой роте. Хорошие отношения с Гончаровыми сохранились надолго, и в последующие годы, бывая в Шамордине, Булат Шалвович обязательно заходил к ним.

Что удивительно: супруга Гончарова, несмотря на тогдашнюю дружбу и соседство, утверждает:

– А вот чтобы Булат Шалвович пел что-нибудь под гитару или читал стихи – этого мы никогда не слышали.

Очень странно, ибо есть масса свидетельств людей, совсем не так близких в то время Булату, но слышавших песни под гитару в его исполнении не раз и не два.

Через неделю привыкли ко мне. Я стал своим. Деревня была хорошая. Нравы нетронутые. Помню, с кем бы ни встретились на улице – знакомый, незнакомый, – непременно здоровались, и старики, и дети, все²².

Ну, то, что здоровались, вряд ли можно считать знаком какого-то особенного расположения – так поступали в любой деревне, причём по отношению не столько к своим, сколько именно к незнакомым людям. Здесь Окуджава немного переоценивает тогдашнюю свою популярность – для большинства сельчан он так и остался совсем чужим и непонятным. И не потому, что был человеком из другого мира. Наверное, он даже и старался как-то адаптироваться в новой среде, но сохранял дистанцию, чтобы не дошло до фамильярности.

²² Окуджава Б. Куда поступал Онегин / Интервью брала И. Ришина // Первое сентября. 1992. 17 окт. С. 3.

В первое время близким приятелем Булата был Виталий Светлов. Оба преподавали одни и те же предметы, к тому же Светлов хорошо играл на аккордеоне и пел. Он даже руководил струнным оркестром в детдоме. За Верой Лапшиной тогда уже стал ухаживать её будущий муж Борис Кузин, учитель начальных классов, живший в Каменке. Супруги Кузины вспоминают, как по вечерам, когда они допоздна засиживались на крылечке её дома, мимо дефилировали Булат и Виталий с гитарой и аккордеоном, на ходу сочиняя для них различные серенады:

– Они с этим, со Светловым – один с баяном, другой с гитарой – ой! На весь монастырь песни. Люди спят, они горланят!

Правда близкой дружбы у Булата с Виталием так и не получилось, на что были свои причины, о которых позже.

А вот что вспоминает Е. Ф. Цыганкова, молодая в то время учительница, ещё незамужняя:

– У нас такие «складчины» были. Собирались мы, молодые преподаватели, на разных квартирах, один раз и у него. И всегда он с гитарой, пел очень хорошо и играл на гитаре. Пел в основном романсы. Мы были молодые девчонки. Каждый приносил, кто что мог. Однажды ответственным был он и пообещал нам утку с яблоками. Не знаю, как уж он на примусе смог её приготовить, но утка получилась очень жёсткая...

Почти всё свободное время учителя проводили вместе, ведь у них не было ни радио, ни газет, ни электричества. Учительница математики Родина, тоже хорошо помнящая Булата с гитарой, рассказывает:

– Дома мы не сидели, всё время вместе проводили – или в волейбол играли, или на лыжах ходили вместе.

Здесь, возможно, и кроется объяснение того, почему Гончарова не помнит Булата с гитарой. У неё уже была семья, двое детей, поэтому ходить на такие «складчины» или на волейбольную площадку не было времени.

Кстати про утку, которую вспомнила Цыганкова. О ней рассказывала и Гончарова, правда, в её рассказе это была не утка, а гусь, готовил её не Булат, а она, Гончарова, и получилась она удачной, в отличие от той, что вспоминает Цыганкова. То есть, всё точно, как в давней миниатюре Райкина: «...И фамилия его не Петухов!» Но явно речь идёт об одной и той же птичьей особи.

Вот свидетельство Гончаровой:

– Как-то мы готовили праздничный вечер, и Булат Шалвович предложил приготовить гуся в яблоках. Я не знала, как это готовится. Тогда он мне объяснил, и я всё сделала по его рецепту. Очень вкусный был гусь!

В общем, ясно: сначала вызвался приготовить деликатес, а потом перепоручил это дело соседке. Есть воспоминание об этой вечеринке и самого Булата Шалвовича, правда, ни гуся, ни утки в нём вообще не фигурируют, а запомнился ему этот вечер совсем по другой причине.

Он вспоминает, что должно было прийти человек пятнадцать (эта цифра представляется несколько преувеличенной: трудно поверить, что в двух его комнатках можно было разместить такое количество гостей). Готовились, съездили в Козельск за продуктами. Позаботился Булат и о выпивке. В тбилисских застольях в ходу было сухое вино, здесь же купить можно было только водку. Зная, что водка значительно крепче вина, Булат посчитал, что пол-литра будет в самый раз.

...Выпили по глоточку. А больше-то нет. И купить негде. Это был позор страшный!

Правда, в компании, даже такой большой, и не было особенно пьющих. Вообще в те годы, видимо, пили значительно меньше. И вот результат: в Шамордине нам удалось найти многих коллег Булата Шалвовича, хоть они уже далеко не молоды, а вот учеников найти оказалось практически невозможно – тех, кто остался в деревне, почти всех водка забрала.

...Бывшая шамординская ученица Александра Сергеевна Носова, прочитав эти строки в альманахе «Голос надежды», обиделась за своих друзей. Она говорит, что из того десятого класса все вышли в люди, получили хорошие профессии, никто не спился. Конечно, конечно, – те, что до десятого класса дошли, имели чёткую цель в жизни, уехали после окончания школы кто куда, выучились, стали уважаемыми людьми. Но ведь речь-то не о них была, а именно о тех, кто остался в деревне.

8.

В повести «Новенький как с иголочки» Булат Окуджава пишет, что он в качестве классного руководителя получил восьмой класс. Но в реальности в одном из них – восьмом «А» – классным руководителем был тот самый Виталий Светлов, с которым они поначалу так хорошо спелись. В повести Окуджава вывел его под именем Виташа, хотя никто в школе его так не называл, а ученики за длинный рост прозвали Фитилём. А другой – восьмой «Б» – получила молоденькая математичка Вера, с которой Булат раньше встретился в облоно. Больше восьмых классов в школе не было.

В жизни же Окуджава, как выяснилось, получил не восьмой, а шестой класс «А», причём до него здесь русский язык и литературу преподавал сам директор школы Солохин. Так что девочка, послужившая в повести прототипом ученицы Веры Багреевой, была, наверное, слишком молода, чтобы стать предметом вздыханий учителя. На самом деле девочка эта, видимо, училась в старших классах, и, может, поэтому вместо шестого класса в повести появляется восьмой. Хотя и восьмиклассница, конечно, тоже... Но в любом классе ученики по возрасту были разные – много было переростков. Математичка Вера Яковлевна рассказывает, что в её классе некоторые ученики были такого же возраста, как она сама. Некоторые даже пытались приглашать её в клуб на танцы...

О том, как Окуджава пришёл в класс первый раз, вспоминает бывшая ученица шестого «Б», в котором он тоже преподавал русский язык и литературу, Варвара Афанасьевна Изотенкова, а тогда Варя Евсикова:

– Вошёл в класс, стройный, очень аккуратный – первый раз учителя мы такого видели. Шевелюра волнистая, усики чёрные. Мы сразу стали переглядываться – какой красивый учитель к нам пришёл.

Для начала он сказал: «Имя у меня трудное, я вам напишу на доске». И написал крупными буквами: «Булат Шалвович Окуджава».

Вскоре ученики увидели, что новый учитель выделяется не только аккуратностью, но и манерой разговаривать. Оказалось, что он говорит с ними не как с детьми, а как со взрослыми, что учитель уважает своих учеников, относится к ним как к равным, и это было удивительно!

В классе было несколько девочек из детского дома. И они, не привыкшие не то чтобы к ласке, а вообще к нормальному человеческому отношению, в него просто влюбились. Им было с чем сравнивать. Они до сих пор помнят, как воспитательница в детском доме ребят избивала.

– Она была очень строгой, и даже не то что строгой, а злой какой-то. Её потом даже уволили.

Та же Варвара Афанасьевна Изотенкова рассказывает:

– К детдомовским Булат Шалвович трогательно относился, может быть, потому, что сам прекрасно знал, что это такое – расти без родителей. А к деревенским более требовательным был.

И ещё:

– Мы его сразу полюбили, он нам так понравился! Я не могла на его урок прийти с невыученным заданием, будь то литература или русский, потому что мы его стеснялись, побаивались и в то же время очень любили.

Дети были постоянно голодными, а при школе был свой огород, и перед уроками они запасались морковкой. Или из дома приносили что-нибудь съестное: кто кусочек сахара, кто картофелину в мундире. Потом на уроке менялись тайком, давали друг другу откусить от своего лакомства. В первый же день, заметив, что дети украдкой грызут морковку, Булат выставил одного ученика из класса и пригрозил остальным, что если увидит ещё на уроке морковь, то!..

В следующий раз, придя на урок, Окуджава увидел на учительском столе огрызок морковки: дети решили проверить нового учителя, посмотреть на его реакцию. Учитель среагировал быстро и неожиданно. Он взял огрызок в руку, пристально оглядел класс и запустил огрызком в лоб одному из проверяющих, потом схватил его за шкирку и выставил вон.

Шалуны скоро поняли, что с новым учителем шутки плохи: запросто можно схлопотать, и притом весьма ощутимо. Как ни странно, такие непедагогические действия, похожие, казалось бы, на поведение той воспитательницы из детдома, в данном случае как раз и были следствием того, что учитель относился к ним как к равным. Он хотел видеть их самостоятельными, мыслящими личностями, он уважал их и рассчитывал на ответное уважение. Не то чтобы требовал к себе какого-то особого уважения – просто не выносил хамства. Причём не важно, против кого оно было направлено. И дети сумели это понять. Правда, поначалу кое-кто из детей, не детдомовских – деревенских, воспринял такое поведение учителя как некоторое приглашение к панибратству, которого тот как раз никогда не терпел даже от взрослых.

А когда Булат Шалвович видел, что кого-то оскорбляют, он мог быть не просто жёстким – жестоким. Заходит он как-то в класс и видит, что одна девочка, Майя Лебедева, воспитанница детского дома, плачет. Он спрашивает: «Что случилось? Кто тебя обидел?» Она молчит. Он снова спрашивает. Майя молчит, боится назвать обидчика. Учитель не отступает. И тогда кто-то из класса не выдержал и назвал имя. Оказалось, что это Сосин или Соскин из ближней деревни Каменки. Окуджава молча подошёл к нему, взял за шиворот и поволок на улицу.

– У нас класс был на первом этаже, и мы всё видели, что происходило на улице. Зима тогда была снежная, и возле школы были огромные сугробы. И вот он этого мальчика берёт и головой в сугроб! – рассказывает Изотенкова. – Так раза три он и ткнул его головой в сугроб, а уж потом отпустил.

В общем, полное взаимопонимание между учителем и учениками было налажено быстро. О том, что ученики полюбили нового учителя, рассказывают не только они.

Вспоминает воспитательница детского дома К. П. Кузькина:

– Что я заметила прямо с первых дней? Мальчишки все без ума от него были, я не видела, как девчонки, а мальчишки прямо без ума. Мой будущий муж учился у него, так он, когда ухаживал за мной, всё мне говорил: «Ох, у нас Булат хороший!»

Зато с первым же проведённым Булатом диктантом вышел конфуз. Почти весь класс получил двойки, что было само по себе неприятно, а ещё и потому, что раньше в этом классе, как уже было сказано, русский язык и литературу преподавал сам директор школы. Получалось, что директор за время своей работы ничему ребят не научил и ставил им незаслуженные оценки, ведь при нём успеваемость была хорошая. Хотя чему мог он научить, если сам мало что знал? Он хвастался иногда, что институт закончил заочно за два мешка картошки.

Мне вспоминаются испуганные маленькие глаза Шулейкина, когда я объявил ему, что первый диктант весь класс написал на единицу.

– Что с вами? – спрашивает он.

– Всё в порядке, – говорю я. – Вот посмотрите.

Он дрожащей рукой перелистывает странички.

– Может быть, у вас с дикцией не всё хорошо?

– С чем?..

– Может, вы диктовать не умеете?

– Ну, знаете!..

– Такой грамотный класс, и нате...

Он так говорит об этом, что я чувствую себя виноватым, хотя и недели не прошло, как я вошёл в этот класс.

– Вы отметки в журнал не ставьте, – говорит он. – Кошмар какой-то...

Я попросил супругов Кузиных прочитать повесть «Новенький как с иголочки», чтобы освежить в памяти события тех дней. По их словам, с первым диктантом всё именно так и было, вот только описание завуча Клары Ивановны они не одобрили.

В повести в диалог молодого учителя и директора школы вмешивается завуч:

– Что случилось? – спрашивает Клара Ивановна.

Она завуч. Она преподаёт ботанику. Ботаники они почти не знают. Она просто читает ученикам главы из учебника. Наверное, потому лицо у неё всегда испуганное.

Она смотрит то на меня, то на Шулейкина круглыми коровьими глазами, и полные её губы слегка приоткрыты в томительном ожидании.

Кузины и слышать не хотели, что героиню повести зовут не Клавдия Ивановна, как реального завуча, а Клара Ивановна, и что она преподавала не математику, как её прототип, а ботанику. Видимо, сюжет здесь настолько совпадает с реальностью, что, воспринимая повесть как сугубо документальную, супруги обиделись за коллегу:

– В то время завучем была Клавдия Ивановна, умная, добрая, красивая женщина. Она была очень уважаемым человеком и в школе, и на селе. «Круглые коровьи глаза» ей не подходят.

Узнали Кузины и других действующих лиц повести. Узнали сына председателя колхоза, узнали Веру Багрееву:

– Была в школе девочка Маруся Бадеева, ничем не примечательная среди подруг, но симпатичная. А то, что она много работала по дому и была плохо одета, это удел всех деревенских детей того времени, – говорит Вера Яковлевна. – А ещё Булат Шалвович упоминает в повести пионервожатую Марию Филипповну. Да, была такая великовозрастная пионерка. Очень энергичная, словоохотливая.

...Директор уговаривал нового преподавателя исправить отметки, но Булат наотрез отказался. Стало ясно, что конфликта не избежать. Солохин попытался уладить дело, найти какой-то компромисс, велел провести новый диктант, полегче. Тут уж он сам присутствовал в классе и незаметно, как ему казалось, подсказывал ребятам.

– Зачем вы подсказываете? – говорю я шёпотом.

– Какие же это подсказки? – говорит он громко. – Они волнуются... Это помощь маленькая.

Конечно, после второго диктанта отметки были значительно лучше первых. Солохин был доволен. Но радовался он рано. Окуджава не собирался идти ни на какие компромиссы. И провёл третий диктант.

...Я говорю своим восьмиклассникам:

– Результаты третьего диктанта – колы. Нравится?

Они молчат.

– Не нравится?

Они молчат.

– Цыганков Ваня, тебе нравится?

Он стоит за партой. Крутит рыжей кудлатой головой.

– Ну, нравится тебе такой результат?

– Не-е...

– Кому нравится?

Они молчат.

– Вот и выбирайте. Сами выбирайте, – говорю я. – Как скажете, так и буду поступать.

Что-то подкатывает к горлу. Что-то душит меня. Ну вы, ну поддержите хоть вы меня! Скажите хоть одно слово...

Отступить учитель уже не мог. Что подумали бы о нём его ученики? Они ведь не глупые, всё понимают! А если не понимают? Поддержки от коллег ожидать не приходится, так, может, хоть сами ученики поддержат его, не захотят незаслуженных четвёрок и пятёрок?

Я не знаю, чем это кончится, но давайте воевать...

– Мы можем писать лёгкие диктанты, как тогда... Если вы хотите. Я даже могу подсказывать вам. Вы меня любить будете за доброту мою... А?

Они молчат.

– Меня все хвалить будут... Хороших дров мне привезут. Будет большой праздник...

Кто-то фыркает. Или я напрасно взываю к ним?

– И спрашивать я буду очень облежённо. И когда буду спрашивать, буду в окно глядеть, чтобы не мешать вам в учебник подсматривать...

Коля Зимосадов сидит насупившись. У Маши Калашикиной растерянная улыбка на некрасивом лице. Шура Евсиков барабанит по парте пальцами. Он очень сосредоточен.

– Хотите такую жизнь? Да? Одно слово, и всё будет по-вашему.

Они молчат.

– Хотите?

– Не хотим, – говорит Гена Дергунов и прячется за развёрнутую книгу.

– А ты за всех не отвечай, – говорит Саша Абношкин.

– Хотите?

– Лучше, чтоб полегче, – улыбается Маша Калашикина.

Подвёл ты меня, Абношкин!

– Полегче не будет, – говорю я.

Они молчат. Бунт?

– Пусть кол, да мой собственный, – говорит Шура Евсиков. – Мне чужие четвёрки не нужны.

Шура Евсиков – это, наверное, Варя Евсикова, а прототип Саши Абношкина в жизни носил очень похожую фамилию и действительно был сыном председателя колхоза имени Октябрьской революции Петра Ильича Авдошкина.

Голова его вздёрнута неимоверно. Он старается смотреть на меня сверху вниз. Он из тех, кто участвует в соревнованиях только тогда, когда абсолютно уверен в своей победе. Если он не уверен, он откажется от соревнований. Он будет тайком тренироваться до тех пор, пока не почувствует, что готов выйти и победить. Он начинает огрызаться, презирать, ненавидеть...

– Всякий нормальный человек должен любить читать, – говорю я.

Это высказывание учителя, видимо, не прошло даром для Саши – он полюбил чтение. Сейчас его уже нет в живых, но Кузины вспоминают:

– Саша был очень неорганизованным, но до самой смерти очень много читал книг.

9.

Всё-таки ученики проголосовали за то, чтобы колы были поставлены в журнал, что учитель с удовольствием и проделал. Теперь уже речи не могло быть о мирном сосуществовании: Солохин, человек малообразованный, но (а может быть, не «но», а именно поэтому) очень амбициозный и самолюбивый, такого вызова простить не мог. Военные действия приняли явный, затяжной и беспощадный характер. Директор посылал комиссии на уроки Булата Шаловича, и те находили ужасающие нарушения в методике преподавания молодого педагога.

Они – комиссия. Комиссии существуют для того, чтобы вскрыть недостатки в работе. Эти двое тоже призваны вскрыть недостатки. Мои. Если бы существовали комиссии по вскрытию достоинств!

Выявились страшные вещи. Оказывается, учитель с университетским дипломом совершенно вольно обращается со школьной программой, а зачастую и вовсе отходит от неё, рассказывая детям о писателях и произведениях, не входящих в школьную программу!

Вот так. Это вдохновенно надо читать.

– Я читаю...

– А у нас в программе этого нету, – говорит кто-то.

Программа? Откуда им известно это слово?! Это в программе, а это не в программе... Не выходите за рамки программы... Я ведь говорил, что учитель из меня не получится. Я не могу читать без конца «Я памятник себе воздвиг...» Я не воздвигал. Он тоже не воздвигал. Он шутил. Не делайте серьёзных физиономий! А вам, чудачки, зачем эта программа? Учитесь говорить о любви вот так, в перерывах между школой и работой в хлеву. Торопитесь – нам не много отпущено.

– Давайте дополним программу, а? – смеюсь я.

А они молчат.

– Тот, кто составлял эту программу, никогда никого в жизни не любил...

Многие коллеги в этом конфликте заняли сторону директора, отчасти, конечно, оттого, что тот владел, как сейчас говорят, «административным ресурсом». Новенькому что, он временный, а нам здесь жить да жить... С другой стороны, многих раздражало, что Булат не такой, как все: ведёт уроки не по программе, имеет на всё свою точку зрения, которую не только не скрывает, но отстаивает с упорством, доходящим до ожесточения. В общем, воображает...

– Не тем вы занимаетесь, – мягко говорит мне в учительской Шулейкин. – Возбудили детей.

– Детей? – смеюсь я.

Теперь наши позиции стали хоть определённые. Теперь легче. Вот – я, а вот – он. Главное теперь – это не нарваться, не раскричаться, не устроить истерику.

– Детей? – смеюсь я.

– Вы ещё очень неопытны, – мягко говорит он. – Можете споткнуться...

Я улавливаю лёгкую угрозу. Она едва ощутима, как в жару – будущий дождь.

– Они не так безграмотны, как вам кажется, – говорит Шулейкин.

– Вы мне угрожаете?

– Вот видите, как вы поняли товарищеский совет, – качает он головой, – вот видите?..

Не раскричаться, не устроить истерику – это не всегда, видимо, получалось. Рассказывают, в учительской он такие «разборки» затевал, что в порыве ярости мог и классный журнал швырнуть на пол.

Вера Яковлевна Кузина:

– Галя, бывало, стоит с нами в сторонке, а он где-то кричит. Приходит в учительскую, кричит, начинает кого-то там ругать. Как сейчас помню. Бешеный характер. Начинает что-то доказывать – журнал бросает... Такой вспыльчивый. А Гали, её и не видно, и не слышно было.

– Он вообще был темпераментный, его легко было завести, но при этом никогда за спиной не говорил про людей ничего плохого, всё говорил в лицо, – добавляет Гудков.

– Класс доведён до катастрофы, – говорит Шулейкин.

– Да, – говорит Виташа. – Теперь до конца года и не выправить.

– Кошмар какой-то, – говорит Мария Филипповна.

– Надо в облоно сообщать, – говорит Виташа, – доигрались.

И он тоже!..

Я встаю:

– Теперь мне остаётся сдать дела, наверное?

Как я могу объяснить им всё? Всё, что произошло? Всё, что произошло со мной и с ребятами? Что-то рухнуло, упало. Пыль и обломки. А поднять-то и некому.

– Это уже трусость, – говорит Шулейкин. – Надо не бежать, а бороться. Исправлять положение.

– Лучшие мне уехать. Это не моя стихия – учительство. Я желаю вам всего лучшего. Я не сержусь на вас нисколько. Просто мне показалось, что что-то мы делаем не так... Ничего я исправить не смогу, – говорю я.

– Нет таких крепостей, – говорит Виташа и смеётся, поглядывая на Шулейкина.

– Не буду я ничего исправлять, потому что я ничего не портил.

Не может всё-таки быть так, чтобы я был прав, а все не правы.

– Не можете – научим, не хотите – заставим, – смеётся Шулейкин.

– Это вы серьёзно?

– Что вы, что вы, – говорит он, уже не улыбаясь, – это же армейская поговорка.

В этом конфликте, наверное, и сгорела, не успев начаться, дружба Булата со Светловым. Светлов ссориться с директором не хотел, повёл себя лицемерно – наедине Булата поддерживал, а в учительской осуждал. Когда я спросил Цыганкову про дружбу Булата с Виталием, та замахала руками:

– Какая дружба! Светлова он вообще сторонился!

После войны хороших и образованных учителей в школе было много. Это были дети «врагов народа», как правило. Все они ещё до приезда Булата уехали из Шамордина. Они, конечно, видели, что собой представляет директор, но не роптали, – темперамент был не такой, да и в их положении лучше было помалкивать... Ну, положение Булата, заметим, было не лучшим, чем у тех учителей, однако он не побоялся вступить в противоборство с самовлюблённым директором, который навязывал свои мнения и взгляды окружающим, не терпя никаких возражений и требуя, чтобы его ценили и уважали.

Николай Михайлович Гудков:

– Отношения с Солохиным у них сразу сложились очень тяжёлые. На собраниях постоянно между ними разгорались схватки.

Директор ходил всегда во френче, в галифе, в сапогах. Очень важный. О его педагогической деятельности рассказывает Анна Борисова, бывшая ученица десятого класса, того самого, где учился младший брат Булата:

– Вообще, плохой он был. Вы знаете, он нам на уроке такие анекдоты рассказывал, начиная с шестого класса! Мы засмеемся, а он: «Тише! По коридору ходят». Курил прямо на уроке, окурки в урну бросал. А один раз за какую-то провинность целую неделю оставлял весь класс после уроков. Сам уходит, а все сидят. На улице уже темно, а многим несколько километров до дому добираться. Придёт снова, его спрашивают ученики: «Когда вы нас уже отпустите?» А он: «На ваш вопрос отвечаю молчанием», – и опять уходит, сапогами начищенными поскрипывает. В конце концов все не выдержали и ушли без разрешения, так он на следующий день опять весь класс оставил после уроков. И так целую неделю. Сидит в учительской или даже идёт домой, поужинает, отдохнёт, придёт: «На ваш вопрос отвечаю молчанием», – и уходит. Вся школа пустая, а мы сидим.

В учительской директор, оказывается, тоже не просто так время терял – свои сердечные дела решал. Один раз ученики так сидели-сидели, ждали его, да и решили потихоньку к учительской подкрасться, послушать, что он там делает. Учительская на втором этаже была, и весь класс, затаив дыхание, на цыпочках по лестнице – и к двери. А за дверью плачущий голос завуча Клавдии Ивановны: «Ты изменил мне, подлец!»

Теперь вышеприведённая цитата обретает несколько новые смысл и краски:

Она смотрит то на меня, то на Шулейкина круглыми коровьими глазами, и полные её губы слегка приоткрыты в томительном ожидании.

И её «коровьи глаза», так обидевшие супругов Кузиных, наверное, были не вообще «коровьи», а лишь в присутствии любимого, директора школы.

Да, Михаил Тихонович был большой охотник до женского полу. При этом жена его, Вера Ивановна, работала тут же, учительницей в начальных классах. Переживала, конечно, но права голоса не имела.

Ещё из нашего разговора с Анной Борисовой:

– Один раз он нас с Варей Сиваговой оставил после уроков. Зачем – непонятно. Фотографии какие-то свои показывал, анекдоты дурацкие про мертвецов рассказывал... Поздний вечер уже, мне домой далеко добираться...

Вот с таким своеобразным человеком пришлось Булату сойтись в противостоянии.

Зато отношения с учениками становились всё лучше. Он многое сумел привить детям, в том числе и свою большую любовь к Маяковскому.

Варвара Изотенкова:

– Булат Шалвович много рассказывал нам о Маяковском, очень интересно и эмоционально. Кажется, Маяковский сложный поэт, но после рассказов Булата Шалвовича я вообще полюбила его, и не только я. Он стал моим любимым поэтом: и на выпускных, и на вступительных экзаменах я всегда писала сочинения только по Маяковскому.

Окуджава строил уроки так, что обязательно оставлял минут семь-десять в конце и что-нибудь рассказывал. Эти рассказы не просто были интересны для ребят – они были чуть ли не единственной информацией, которую те могли получить помимо школьной программы. Телевизора тогда не было, газет и книг деревенские тоже практически не видели.

Меня приводила в отчаяние узость их кругозора. Помню, поинтересовался на первом уроке в восьмом классе: какие книги есть у вас дома? Они молчали и при этом смотрели друг на друга так, будто я спросил их о чём-то необыкновенном. Я настойчиво повторял вопрос, и наконец, одна девочка прошептала соседке: «У тетки Марьи есть книга...»

У детдомовских в этом отношении было получше. Изотенкова вспоминает, что у них висел репродуктор и они каждый день во время завтрака слушали одну ежедневную передачу. И так они к ней привыкли, что до сих пор ей как будто слышатся позывные этой передачи и задорный голос ведущего: «Здравствуйте, ребята! Слушайте “Пионерскую зорьку”!» И это всё, что они слышали по радио. Правда, это чуть позже было – электричество в Шамордино провели сразу после отъезда оттуда Булата Окуджавы.

Воспитательница Мария Марковна Функ была большим книголюбом, следила за новинками литературы и каждое утро в минуты хорошего настроения пересказывала ребятам то, что прочитала накануне вечером. Изотенковой особенно запомнился её пересказ книги «Далеко от Москвы» В. Ажаева. Как раз эту воспитательницу вскоре уволили за тяжёлую руку.

Да и книги какие-то были в детдоме – «Повесть о сыне» об Олеге Кошевом, «Повесть о Зое и Шуре», много произведений Гайдара. Читательские конференции проводили по этим книгам, в основном по Гайдару. Очень его дети любили.

А в школе был Булат Шалвович. Он книжек не пересказывал, он рассказывал о себе: о войне, о том, как учился в Тбилиси в университете, как они там по канатной дороге в гору поднимались, – много чего рассказывал. И так это всё было интересно! Однажды он рассказывал про то, какая жизнь будет в будущем, при коммунизме. И кто-то из ребят спросил его: «Булат Шалвович, а в коммунистическом будущем будут тюрьмы?» Тот удивился и говорит: «Ребята, ну какие тюрьмы? Они отомрут сами по себе. Люди будут жить честные, добросовестные, трудолюбивые, и тюрем не будет».

Я старался заинтересовать школьников знаниями, расширять их кругозор. Поэтому рассказывал на уроках не только о литературных героях, но и о том, чем прославился калужский край в прошлые века, о фронте, о жизни нашей страны²³.

Ученики хоть как-то скрашивали те неприятные школьные будни, которые Булат сам себе устроил. Он интересовался жизнью ребят, вместе с ними увлечённо делал стенгазету, весь текст которой был в стихах, сам писал эти стихи и показывал ребятам, как это делается. И такая замечательная газета у них получалась, что вся школа ходила в их класс – смотрели, читали, завидовали...

10.

Особые отношения сложились у Булата с детдомом – не только с детьми, но и с самим директором Степаном Кузьмичом Родиным, с которым они близко подружились. Да и у жён были общие темы для разговоров – обе были примерно на одинаковом сроке беременности.

Степан Родин станет прообразом главного героя рассказа «Искусство кройки и житья», который Окуджава напишет через тридцать пять лет. В рассказе Родины угадываются без труда, хоть имена их немного изменены – Родин назван Семёном Кузьмичом Сысоевым, а жена его – Зоей Петровной. В остальном же героиня рассказа очень близки к прототипам, и даже Зоя Петровна так же преподаёт математику в младших классах, как и Зоя Александровна. Семён Кузьмич, правда, директор школы механизаторов, а не детского дома. Однако это расхождение литературы с действительностью служит ещё одним подтверждением того, что речь в рассказе именно о Степане Кузьмиче Родине. Дело в том, что в бытность Окуджава и Родина в Шамордине никакой школы механизаторов ещё не было. Она появилась в 1952 году, когда детский дом из Шамордина был переведён в Калугу.

Рассказ настолько документальный, что портрет его героя получился очень точной копией с портрета Родина:

Это был ещё довольно-таки молодой человек среднего роста, с растопыренными ушами, жилистый, с внезапной непредсказуемой улыбкой на маленьком, с кулачок, скуластом лице²⁴.

Хотя роста Родин был всё-таки скорее не среднего, а небольшого. И, как многие подобные люди (видимо, в качестве компенсации за недостаточный рост), имел пылкий темперамент. Во всём ладный человек – подвижный и весёлый, плясун и бонвиван, в части темперамента и отношения к женскому полу он был в чём-то даже схож с директором школы.

Откуда известно, как выглядел прототип героя рассказа? Так есть же фотография! На которой, кстати, запечатлено и бессмертное пальто автора рассказа, которое он описывает так:

Моё же пальто было совсем иным. Его материал тоже назывался драпом, но напоминал листовую фанеру, которую почти невозможно согнуть, и плохо обработанную, о которую можно было содрать кожу. Этот драп ткали вместе с соломой, веточками и отрубями, и, бывало, просиживая в каких-нибудь приёмных или на вокзалах в ожидании поезда, я коротал время, выщипывая из него этот строительный материал и собирая его в горсть. Горсть по горсти. Кроме того, это пальто было подбито простёганной ватой, напоминая матрас. Изысканно распахнуть его было невозможно. Его можно было только раскрыть, да и то с трудом, словно плохо смазанную двустворчатую дверь, раскрыть, войти в него, просунув в рукава руки, и с треском захлопнуть полы.

Родин был так же малообразован, как и директор школы, но, в отличие от Солохина, не кичился своим умом, а с благоговением относился к образованным людям, тянулся к ним. И этого было вполне достаточно, чтобы с Булатом у них возникла взаимная симпатия.

²³ Окуджава Б. Мы на фронт уходили с Арбата... / Беседа вел В. Огрызко // Красная звезда. 1986. 10 июня.

²⁴ Далее все курсивные цитаты в этой главке – из рассказа «Искусство кройки и житья».

Родин был постарше Булата – немного, года на три, но куда опытней в житейских вопросах, ибо был он человеком деревенским, умел управляться с хозяйством и со скотиной. Вернувшись с фронта, он преподавал в родной деревне Кирилловской, неподалёку от Шамордина, физкультуру и военное дело, а два года назад, несмотря на отсутствие образования, был назначен директором детского дома. Впрочем, образования особенного там и не требовалось – должность эта была не столько педагогическая, сколько хозяйственная, но Родин любил причислять себя к работникам просвещения.

На новом месте Родины сразу обзавелись хозяйством. У них и огород был, и коз они держали, и поросёнка, дом их всегда был полная чаша. И конечно, Степану Кузьмичу было в радость шефство над молодыми неприспособленными городскими интеллигентами. Хотя, как вспоминает его жена, и им у городских было чему поучиться:

– Собирались мы и у них, но чаще у нас. Галя хорошо пекла пироги, тортики всякие, учила печь и меня. Мастер она была готовить. Булат всегда приходил с гитарой, пел...

Это был хлебосольный дом, и, когда меня приглашали, появлялась возможность посидеть в сытном тепле, в комнате, почти городской по виду. Происходило это чаще всего так: вваливался ко мне запорошённый снегом Сысоев, с досадой оглядывал мою дымящую печку, тусклую лампочку в потолке и говорил: «Да ладно книжки читать, всех не перечитаешь, – и похихатывал от собственного остроумия. – Айда к нам – чайку попьём». И мы шли по сугробам.

В его доме тотчас появлялась водка, и домашние огурчики со смородиновым листом, и капуста, и помидорчики, и рассыпчатая картошка, и розовое сало, и крутые яички, а иногда и холодец. Мы рассаживались. Сысоев производил все приличествующие моменту движения: потирал руки, передёргивал плечами, ухал, ахал, чертыхался, заливался – был счастлив.

В рассказе Окуджава описывает, как они с Родиным решили пошить себе кожаные пальто и что из этого вышло. В деревне резали скот, и они купили по дешёвке шкуры. Кое-как выделали их начерно, засолили и отправились в Калугу к родинскому знакомому скорняку, который должен был окончательно выделать кожу. Происходили с ними разные перипетии, но задумка так и не была осуществлена – как-то они шкуры испортили, что-то не так сделали.

Покровительствовать было для него (Семёна Кузьмича. – М. Г.) удовольствием. Когда я проявлял свою непрактичность, попадал впросак, он звонко заливался и с радостью начинал поучать. ...Он во всём любил добротность, основательность в том смысле, как понимал это сам. Рубля лишнего не потратит, а сам то и дело навязывал взять у него в долг...

Дружба с директором постепенно перешла и в дружбу со всем коллективом детского дома. Булат с Галиной принимали участие почти во всех тамошних торжествах.

Вспоминает Клавдия Петровна Кузькина:

– Потом Новый год наступил. У нас застолье, и танцы, и песни, все молодые были – и воспитатели, и обслуживающий персонал. И они приходят, гитара... Мы так смутились, девочки молодые, не знаем, как вести себя. Но потом простота их с нас сняла напряжение. Он играл на гитаре и пел песни, и Галина Васильевна пела вместе с ним. Потом стали танцевать. Степан Кузьмич – и цыганочку плясать, и русского! Он такой любитель был, весельчак. И мы перестали стесняться, стали и плясать, и петь под гитару. Кто-нибудь начинал напевать что-то, а Булат Шалвович тут же подбирал мелодию и аккомпанировал. Вальсы «Голубой Дунай» и «Амурские волны» под радио танцевали, так он и тут подыгрывал. Не выпускал гитару из рук.

И всё-таки дружба Булата со Степаном закончилась плохо. Это видно из рассказа, хотя никто из шамординцев того времени сегодня об этом не помнит. И не может помнить, потому что размолвка случилась значительно позже, когда Булат уже жил в Москве.

А что же в рассказе? Там после неудачи с кожаными пальто лирический герой Булата Окуджава после застолья в ресторане попадает в милицию. Ладно бы хулиганство пьяное, так нет, чуть ли не в шпионаже был заподозрен главный герой – выспрашивал что-то, записы-

вал... Утром героя рассказа из милиции выпустили, но напуганный Семён Кузьмич решительно отворачивается от него, опасаясь контактов с неблагонадёжным элементом. И даже на одной машине с опасным попутчиком возвращаться в Шамордино не захотел.

Но этого не было и даже быть не могло. Потому, что рассказ хоть и документальный, но описывает два совершенно разных эпизода из жизни автора. Инцидент в ресторане случился не только до знакомства главных героев рассказа, но даже до того, как Булат вообще узнал о существовании какого-то Шамордина.

Родины из Шамордина уехали в 1952 году, через год после Булата. Они уезжали вместе с детским домом, который был переведён в Калугу. Вместо детского дома в Шамордине открыли детский сад, поскольку народу теперь стало много, только в училище механизации 700 человек, и все с семьями, с детьми, все работали. В том же 1952 году в Калуге появился и Булат, успев перед этим совсем недолго поучительствовать в Высокиничках. По свидетельству многих, он и в Калуге иногда приходил к Родиным в гости и, как всегда, – с гитарой.

И даже уже когда Булат в Москву перебрался, Степан Кузьмич, бывая там, обязательно с ним встречался. А однажды, рассказывает Клавдия Петровна Кузькина, приехал Родин из Москвы и говорит: «Галя умерла. – И вздохнул: – Булат, Булат... Всё-таки он виноват в смерти Гали». – «Почему?» – «Слишком много девушек на него вешалось».

Так зачем же потребовалось Булату порочить друга ссорой, которой на самом деле не было? Видимо, затем, что ссора была. Только позже, значительно позже, чем в рассказе. И можно легко предположить, что поводом послужило изменившееся время. Вот ещё цитата из рассказа «Искусство кройки и житья»:

Я так до конца и не мог понять, чем я ему мил. Кроме того, что я кончил университет и был учителем, так же, как и его жена, о чём я уже говорил, видимо, и моё грузинское происхождение, экзотика, что ли, всё это усугубляло, и усики мои, и ещё возможное обстоятельство: дело в том, что это был пятидесятый год, а в те времена везде маячили всевозможные изображения моего усатого соплеменника. Не могу сказать, чтобы я был его особенным почитателем, да и родители мои находились в местах отдалённых, но Сысоев перед генералиссимусом благоговел, как все в те годы, и, может быть, как-то там в туманном своём сознании связывал воедино моё происхождение со своим кумиром.

«Сысоев перед генералиссимусом благоговел». Не здесь ли корень разлада? В 1950 году Окуджава помалкивал на благоговение своего приятеля, но время изменилось, и отношение к Сталину изменилось. Кто-то по-прежнему его боготворил, но другие возненавидели люто. И различного отношения к этому персонажу было вполне достаточно для смертельной ссоры не просто приятелей, но и близких друзей или даже членов одной семьи.

11.

Кроме школьных, были у учителей и другие обязанности. За каждым из них закреплялось по десять семей колхозников, с которыми они должны были вести воспитательную и образовательную работу. Называлось это «десятидворками». Раз в неделю учитель собирал своих подопечных и проводил с ними беседы – на политические, экономические и другие темы. Возле дома, во дворе которого должно было проходить мероприятие, вывешивалось объявление: здесь проходит десятидворка, агитатор такой-то. Крестьяне охотно шли на эти сборища – радио было у немногих, читать умели не все, а здесь они черпали информацию или, точнее, – дезинформацию о событиях в мире и стране. Но им было всё равно, что слушать, им всё было интересно. Особенная активность требовалась от учителей в канун проведения выборов.

А тут как-то, ещё в начале учебного года, Булата попросили прочитать какую-нибудь лекцию колхозникам. Причём не в своём Шамордине, а в одной из близлежащих деревень – Васильевке. Всё-таки университет человек закончил. В выборе темы не ограничивали, но

попросили определиться заранее. Ну, он и «выдал» сразу, не задумываясь, что будет рассказывать о частной жизни Пушкина.

Я очень удивился, что ко мне подходят с такими пустяками, но тот просил так почти-тельно, что отказать было нельзя, тем более что лекция намечалась через месяц. Через месяц, сказал я, другое дело, а то сейчас я работаю над диссертацией, и времени у меня нет, а через месяц пожалуйста...²⁵

Сразу после ухода просителя Булат забыл о предстоящей лекции: забот хватало, а времени впереди было ещё очень много. Да и на десятидворках он уже научился разговаривать с колхозниками – благодарные и смирные слушатели внимали всему, что ни расскажешь.

Но прошёл месяц, и наступил день, когда за ним приехали сани, чтобы отвезти в Васильевку, в клуб, где уже потихоньку собирались живо интересующиеся частной жизнью Пушкина колхозники. Конечно, подготовиться к лекции так и не удалось. Да и слушатели все незнакомые – Васильевка же, не Шамордино! Хорошо, хоть под рукой оказалась книга «Пушкин в воспоминаниях современников», которую можно было взять с собой и иногда заглядывать в неё в процессе чтения лекции.

Лошадка бежала резво. Страх не было. Замечательная книга покоилась на моих коленях, тяжёленькая, плотненькая такая – источник вдохновения молодого учёного, кладовая успеха, славы...

Клуб был полон. На сцене разместился покрытый скатертью стол, за которым сидел председатель колхоза, рядом стояла кафедра для лектора. Всё было очень торжественно. Председатель сказал вступительное слово и почтительно спросил лектора, много ли тому потребуется времени, чтобы всесторонне осветить частную жизнь Александра Сергеевича, и можно ли рассчитывать, что докладчик уложится часа в полтора.

– Кто его знает, – улыбнулся я, – во всяком случае, буду стараться.

– Да нет, – сказал он, – время у нас есть: сколько нужно, столько и рассказывайте, это я так...

– Ну, может, с полчаса лишнего прихватчу, – пошутил я. – Не взыщите...

Все заулыбались. Контакт был.

Лектор поудобнее устроился за кафедрой, снял с руки часы и положил их перед собой, чтобы, не дай бог, не увлечься и вовремя закруглиться, хотя бы через два часа. Рядом легла и заветная книга, из которой он будет время от времени зачитывать интересные эпизоды. Строго оглядев зал, начал:

– Пушкин – великий русский поэт! – воскликнул я легко, вдохновенно и страстно.

Все со мной были согласны. Глядели на меня, не отводя глаз, как с семейной фотографии.

На этом, собственно, лекцию можно было и заканчивать. Дело в том, что добавить к вышесказанному лектору было нечего. Конечно, если бы он выступал сейчас на десятидворке перед десятком знакомых колхозников, сидя на завалинке и попыхивая папироской, он бы наверняка ещё что-нибудь вспомнил о частной жизни великого поэта... Я прошу простить меня за длинные цитаты, но не могу лишить докладчика права самому рассказать, что было дальше. Пусть хоть теперь выскажется.

Я с ужасом даже сейчас вспоминаю эту минуту: страх охватил меня, страх, которого я не испытывал даже на фронте: о чём говорить дальше? Как увязать то, что следует увязать? Если бы передо мной лежал хотя бы маленький, ничтожный клочок измятой линованной бумаги, и если бы на нём, пусть вкривь и вкось, нелепым почерком, неразборчиво было бы написано, набросано, едва угадывалось бы то, что я вычитал когда-то из этой проклятой книги! Но передо мной была наклонная потёртая доска замечательной кафедры, и на ней

²⁵ Окуджава Б. Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова.

лежала молчаливая книга, тяжёлая, словно камень на шее. Я посмотрел на часы – прошло полторы минуты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.